

Автор бестселлера “НОРМАЛЬНЫЕ ЛЮДИ”

САЛЛИ РУНИ

Просто невозможно поверить, что это ее первая книга!

Зэди Смит

РАЗГОВОРЫ С ДРУЗЬЯМИ

Умная, тонкая, свежая
история взросления,
любви и дружбы
в наши дни.

Observer

Салли Руни

Разговоры с друзьями

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63415002

Разговоры с друзьями: Синдбад; Москва; 2020

ISBN 9785001312895

Аннотация

Студентки дублинского Тринити-колледжа Фрэнсис и Бобби дружат со школы. На одном из университетских поэтических вечеров они знакомятся с Мелиссой, известным фотографом, а позже и с ее мужем Ником, актером. Несмотря на то что Ник и Мелисса значительно старше Бобби и Фрэнсис, между ними завязываются дружеские отношения. Все четверо проводят вместе много времени, по большей части разговаривая – обсуждают искусство, литературу, политику, секс, дружбу и, конечно же, друг друга. У Фрэнсис начинается роман с Ником. В отношениях с Бобби появляется отчужденность...

«Разговоры с друзьями» (2017) – первая книга Салли Руни, мгновенно сделавшая 26-летнюю выпускницу Тринити-колледжа всемирно известной писательницей.

Содержание

Часть 1	5
1	5
2	15
3	23
4	33
5	39
6	47
7	60
8	67
9	77
10	91
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Салли Руни

Разговоры с друзьями

*В трудные времена все мы должны снова и снова
решать, кого мы любим.*

Фрэнк О'Хара¹

Sally Rooney

CONVERSATIONS WITH FRIENDS

Copyright © 2017 by Sally Rooney

Published in the Russian language by arrangement with *The Wylie Agency*

Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd., 2020

This book was published with the support of Literature Ireland

Книга издана при поддержке агентства «Литература Ирландии»

© Издание на русском языке, перевод на русский язык.
Издательство «Синдбад», 2020.

Часть 1

1

С Мелиссой мы познакомились на поэтическом вечере, где я и Бобби выступали. Мелисса сфотографировала нас на улице у входа: Бобби курила, а я смущенно ухватила правую руку за левое запястье, будто боялась, что оно убежит. Мелисса снимала большой профессиональной камерой со множеством объективов, которые носила в специальной сумке. Делая снимки, она курила и болтала. Она говорила о нашем выступлении, а мы – о ее работах, которые видели в интернете. Около полуночи бар закрылся. Пошел дождь, и Мелисса пригласила нас к себе выпить.

Мы втроем втиснулись на заднее сиденье такси и пристегнулись. Бобби села посередине и повернулась к Мелиссе поболтать, так что я видела только ее затылок и маленькое, похожее на ложечку ухо. Мелисса назвала таксисту адрес в Монкстауне, а я уставилась в окно. Голос по радио бубнил: восьмидесятые... поп... классика. Прозвучал джингл. Я внутренне собралась перед визитом в незнакомый дом, приготовилась говорить комплименты и излучать очарование.

Дом был на две квартиры, из красного кирпича, у входа рос платан. В свете уличного фонаря его листья казались

оранжевыми и неживыми. Я обожала изучать чужие дома изнутри, особенно если хозяева хоть немного известны, вот как Мелисса. Сразу решила запомнить каждую деталь, чтобы потом описать друзьям и Бобби все подтвердила бы.

Едва Мелисса впустила нас, в прихожую с лаем выскочил рыжий спаниель. В холле было тепло, повсюду горел свет. У двери стоял низкий столик, на нем – мелочь, расческа и открытая помада. Над лестницей висела копия картины Модильяни – полулежащая обнаженная женщина. Я подумала: да это же целый дом! Тут семья могла бы жить.

У нас гости, прокричала Мелисса в коридор.

Но никто не появился, и мы пошли за ней в кухню. Мне бросилась в глаза миска темного дерева, наполненная спелыми фруктами, и застекленная веранда. Богатые люди, подумала я. Я тогда постоянно думала о богатых. Собака прибежала за нами в кухню и крутилась под ногами, но Мелисса не обращала на нее внимания, так что и мы не стали.

Вина? – предложила Мелисса. Белого или красного?

Она наполнила огромные бокалы-чаши, и мы уселись вокруг низкого столика. Мелисса спросила, как мы угодили в поэтический слэм. Мы обе заканчивали тогда третий курс университета, но выступали вместе еще со школы. Экзамены были уже позади. Стоял конец мая.

Камера лежала на столе, и время от времени Мелисса хватала ее и делала пару кадров, подсмеиваясь над тем, что она «помешана на работе». Она прикурила сигарету и стряхнула

пепел в китчевую стеклянную пепельницу. В доме вообще не пахло сигаретным дымом – интересно, подумала я, она обычно здесь курит?

Сегодня у меня появились новые друзья, сказала она.

В дверях кухни стоял ее муж. Он помахал рукой, приветствуя нас, а собака начала скулить, повизгивать и носиться кругами.

Это Фрэнсис, сказала Мелисса. А это Бобби. Они пишут стихи.

Он взял бутылку пива из холодильника, поставил на стол и открыл.

Посиди с нами, предложила Мелисса.

Да я бы с удовольствием, ответил он, но мне надо выпастись перед вылетом.

Спаниелька вскочила на стул, и хозяин рассеянно погладил ее по голове. Спросил Мелиссу, кормила ли она собаку, и та ответила, что нет. Он взял собаку на руки, и она тут же полезла лизать ему шею и подбородок, а он был не против. Сказал, что покормит ее, и вышел из кухни.

Ник снимается завтра утром в Кардиффе, сказала Мелисса.

Мы уже знали, что ее муж актер. Их с Мелиссой часто фотографировали вместе на разных мероприятиях, друзья друзей были с ним знакомы. У него было широкое приятное лицо, и выглядел он так, будто мог держать Мелиссу под мышкой, а свободной рукой при этом отбиваться от недругов.

Он очень высокий, сказала Бобби.

Мелисса так улыбнулась, будто «высокий» – эвфемизм чего-то, не обязательно лестного. Разговор возобновился. Мы немного поспорили о правительстве и католической церкви. Мелисса спросила, религиозны ли мы, и мы ответили, что нет. Она сказала, что религиозные мероприятия, типа похорон и свадеб, ее «утешают и по-своему успокаивают». Они объединяют, пояснила она. Есть в этом что-то приятное для невротичной индивидуалистки. Я училась в школе при монастыре, так что до сих пор помню почти все молитвы.

Мы тоже ходили в школу при монастыре, сказала Бобби. Непросто нам пришлось.

Мелисса усмехнулась и спросила: в смысле?

Ну, я лесбиянка, а Фрэнсис коммунистка, сказала Бобби.

И я, кажется, не помню ни одной молитвы, добавила я.

Мы еще долго выпивали и разговаривали. Обсуждали поэтессу Патрицию Локвуд², которой дружно восхищались, потом «феминизм за равную оплату труда», как пренебрежительно сформулировала Бобби. Я чувствовала, что пьянею и начинаю уставать. Не могла придумать ни одной остроумной реплики и силилась придать лицу выражение «у меня отличное чувство юмора». Кажется, я много смеялась и кивала. Мелисса призналась, что пишет новую книгу эссе. Бобби читала ее первую книгу, а я нет.

² Локвуд Патриция (р. 1982) – американская поэтесса и эссеистка, звезда современной поэзии.

Она не такая уж хорошая, сказала Мелисса. Подожди, пока выйдет новая.

Около трех часов ночи она проводила нас в гостевую комнату, сказала, как рада знакомству и как здорово, что мы остались. Мы легли в постель, я уставилась в потолок и почувствовала, насколько же я пьяна. Комната кружилась короткими рывками. Стоило пережить одно вращение, как тут же начиналось другое. Я спросила Бобби – мол, у нее тоже все идет кругом? – но она сказала, что нет.

Она удивительная, правда? – сказала Бобби. Мелисса.

Мне понравилась, сказала я.

Из коридора слышались ее голос и шаги, ее носило из комнаты в комнату. Залаяла собака, Мелисса что-то крикнула, ей ответил голос мужа. А потом мы заснули. Мы не слышали, как он ушел.

* * *

Мы с Бобби познакомились в средней школе. Самоуверенности ей было не занимать, и ее то и дело оставляли после уроков за плохое поведение, которое у нас называли «помехой преподаванию и обучению». Когда нам было по шестнадцать, она проколола себе нос и закурила. Она никому не нравилась. Однажды ее временно исключили за то, что написала «в жопу ваш патриархат» на стене рядом с гипсовым распятием. Желающих заступиться за Бобби не нашлось. Ее

считали выпендренщицей. Даже я вынуждена была признать, что в ту неделю, когда ее не было, преподаванию и обучению почти ничто не мешало.

Когда нам исполнилось по семнадцать, нас не миновал школьный благотворительный бал – в актовом зале, где щербатый диско-шар отбрасывал свет на потолок и зарешеченные окна. Бобби пришла в легком летнем платье и, похоже, забыв причесаться. Выглядела она ослепительно, так что всем пришлось постараться, чтобы не обращать на нее внимания. Я сказала ей: отличное платье. Она угостила меня водкой, которую протащила в бутылке из-под кока-колы, и спросила, заперта ли вся остальная школа. Мы подергали дверь на запасную лестницу и обнаружили, что она открыта. Там никого не было и свет не горел. Сквозь половицы мы слышали музыку снизу – словно где-то звонил чужой телефон. Бобби дала мне еще отхлебнуть водки и спросила, нравятся ли мне девушки. Рядом с нею легко было держаться невозмутимо. Я ответила: конечно.

Я никого не предала, став девушкой Бобби. Близких друзей у меня не было, в обед я обычно в одиночестве читала учебники в школьной библиотеке. Мне нравились другие девчонки, я давала им списывать домашку, но я была одинока и считала, что недостойна настоящей дружбы. Я составила список, что нужно в себе улучшить. Но когда мы с Бобби начали встречаться, все изменилось. Больше никто не просил у меня списать. В обед мы вдвоем шли по парковке, дер-

жась за руки, и все презрительно отворачивались. Это было прикольно, первая по-настоящему прикольная вещь в моей жизни.

После школы мы обычно лежали в ее комнате, слушали музыку и болтали о том, что нам друг в друге нравится. Долгие и напряженные разговоры – каждый казался мне практически судьбоносным, и вечерами я тайком записывала фрагменты по памяти. Когда Бобби говорила обо мне, я словно впервые видела себя в зеркале. Я стала чаще смотреться в реальные зеркала. Внимательно изучала свое лицо и тело, чего прежде никогда не делала. Задавала Бобби вопросы типа: а ноги у меня длинные? Или коротковаты?

На выпускном вечере мы вместе читали со сцены. Некоторые родители прослезились, но одноклассники пялились в окна актового зала или перешептывались. Несколько месяцев спустя, проведя вместе больше года, мы с Бобби расстались.

* * *

Мелисса захотела о нас написать. Прислала имейл, спросила, интересно ли нам, и приложила несколько снимков, сделанных у входа в бар. Одна у себя в комнате, я загрузила файл и развернула фотку на весь экран. На меня озорно смотрела Бобби – правой рукой держит сигарету, левой натягивает меховую накидку. На ее фоне я выглядела скуча-

ющей и интересной. Я представила свое имя, полужирным шрифтом с засечками. Решила, что в следующий раз постараюсь произвести на Мелиссу сильное впечатление.

Как только пришло письмо, позвонила Бобби.

Видела фотки? – сказала она. По-моему, я в нее влюбилась.

Одной рукой я держала телефон, а другой увеличивала изображение лица Бобби. Снимок был в высоком разрешении, но я увеличивала, пока не полезли пиксели.

Может, ты просто влюблена в собственное лицо? – сказала я.

Если я красива, это еще не значит, что я нарцисс.

Я пропустила ее слова мимо ушей. Я все увеличивала фото. Я знала, что Мелисса работает на несколько влиятельных литературных сайтов и ее статьи очень популярны. Она написала знаменитое эссе о церемонии вручения «Оскара», которое каждый год во время оскаровской гонки все считали своим долгом перепостить. Порой она писала про художников, продававших свои работы на Графтон-стрит, и про лондонских уличных музыкантов; на стильных фотоиллюстрациях героини выглядели очень человечными и «характерными». Я уменьшила масштаб и попыталась взглянуть на собственное лицо глазами незнакомца, который наткнулся на это фото в интернете. Лицо округлое и бледное, брови перевернутыми скобками, взгляд в сторону, глаза полуприкрыты. Даже мне было видно: характер у меня есть.

Мы ответили, что будем рады, и Мелисса пригласила нас на ужин, чтобы подробнее расспросить о нашем творчестве и еще пофотографировать. Попросила меня прислать несколько стихотворений, и я отправила три-четыре лучших.

Мы с Бобби долго обсуждали, что она наденет к ужину, хотя собрались, чтобы прикинуть, как оденемся мы обе. Я лежала в своей комнате, наблюдая, как она крутится у зеркала, недовольно поправляя волосы.

Так ты говоришь, что влюбилась в Мелиссу, сказала я.

Угу, запала на нее.

Ты в курсе, что она замужем?

Что, думаешь, я ей не нравлюсь? – сказала Бобби.

Она примеряла перед зеркалом одну из моих любимых рубашек – белую, из мягкого хлопка.

В смысле «нравишься»? Мы сейчас серьезно или прикалываемся?

Почти серьезно. По-моему, она в меня влюбилась.

Настолько, чтобы изменить мужу?

Бобби только расхохоталась. С другими людьми я обычно догадывалась, всерьез они говорят или нет, но с Бобби не догадаешься. Она всегда говорила полусерьезно-полушутя. Так что мне пришлось отрастить дзен, чтобы спокойно воспринимать все ее странности. Я смотрела, как она снимает блузку и надевает белую рубашку, аккуратно закатывает рукава.

Классно? – сказала она. Или ужасно?

Неплохо. Хорошо смотрится.

В день нашего визита к Мелиссе шел нескончаемый дождь. С утра я сидела в постели и писала стихи, била по клавише «ввод» где попало. В конце концов я открыла жалюзи, почитала новости в интернете и приняла душ. Дверь моей квартиры выходила во внутренний дворик дома – заросший травой, с вишневым деревом в дальнем углу. Сейчас был почти июнь, а в апреле вишня стояла вся в сияющих шелковистых цветах, похожих на конфетти. У соседей был совсем маленький ребенок – он иногда плакал по ночам. Мне нравилось там жить.

Мы с Бобби встретились вечером в городе и сели на автобус до Монкстауна. Поиски дороги к дому – как будто разворачиваешь слои оберточной бумаги в «передай посылку». Я поделилась этим с Бобби, а она спросила: так это приз или еще один слой упаковки?

Пойдем после ужина, ответила я.

Мы позвонили в дверь, Мелисса открыла – на плече фотокамера. Поблагодарила, что пришли. Одарила нас выразительной заговорщической улыбкой – я думаю, она так улыбалась всем героям своих статей, как бы намекая: для меня вы не просто работа – вы особенные, любимчики. Я подумала, что позже перед зеркалом с завистью попытаюсь эту улыбку повторить. Пока мы вешали куртки, в дверях кухни таял

спаниель.

В самой кухне муж Мелиссы резал овощи. Собаку наше сборище реально взбудоражило. Она вскочила на стул и лаяла секунд десять или двадцать, пока Ник не скомандовал ей умолкнуть.

Вино будете? – сказала Мелисса.

Конечно, ответили мы, и Ник наполнил бокалы. После нашей первой встречи я успела почитать о нем в интернете – он ведь был первый актер, с которым я познакомилась в жизни. В основном он играл в театре, но еще снялся в нескольких сериалах и фильмах. Однажды, несколько лет назад, его номинировали на престижную премию, но он не выиграл. Я наткнулась на множество фотографий, где он позировал без рубашки, – почти на всех он выглядел моложе и выходил из бассейна или принимал душ в давным-давно закрытом сериале. Я отправила Бобби ссылку на одну фотографию и написала: трофейный муж.

Фотографий Мелиссы в интернете было не так уж много, хотя ее сборник эссе активно обсуждали. Я не знала, давно ли они с Ником женаты, – они были еще не настолько знамениты, интернет таких подробностей не знал.

Так вы пишете вместе? – сказала Мелисса.

О боже, нет, сказала Бобби. Все пишет Фрэнсис. Я даже не помогаю.

Неправда, сказала я. Неправда, ты помогаешь. Это она просто так говорит.

Мелисса склонила голову и как бы усмехнулась.

И кто же из вас врет? – сказала она.

Врала я. Бобби действительно не помогала мне писать стихи – разве что разнообразила мою жизнь. Насколько я знаю, она никогда не пыталась сочинять. Она любила произносить драматичные монологи и петь антивоенные баллады. На сцене она смотрелась великолепно, и я частенько поглядывала на нее, когда от волнения забывала, что делать.

На ужин были спагетти в густом беловинном соусе и много чесночного хлеба. Ник в основном молчал, а Мелисса задавала вопросы. Она то и дело нас смешила, но так, как пичкают едой совершенно голодного человека. Я сомневалась, нравится ли мне такая веселая напористость, а вот Бобби точно была в восторге. Я заметила, что она смеялась даже больше, чем было уместно.

Не знаю, почему я так решила, но, по-моему, как только Мелисса узнала, что стихи пишу я одна, она потеряла всякий интерес к процессу их создания. Перемена была настолько неувимая, что Бобби наверняка сказала бы «ничего подобного», и я злилась, будто она уже так и сказала. Я выпала из ситуации, словно меня не волновало, как все повернулось, вообще меня не касалось. Я могла бы включиться обратно, но, видимо, не хотелось прикладывать усилия, чтоб меня заметили.

После ужина Ник убрал тарелки, а Мелисса начала фотографировать. Бобби сидела на подоконнике, глядела на го-

рящую свечу, смеялась и строила милые рожицы. Я замерла за столом, приканчивая третий бокал вина.

Мне нравится кадр с окном, сказала Мелисса. Давай сделаем такой же, но на веранде?

На веранду вели двойные двери. Бобби отправилась за Мелиссой, а та закрыла за ними створки. Я видела, как Бобби хохочет на подоконнике, но не слышала ее смеха. Ник наполнял раковину горячей водой. Я еще раз похвалила еду, он поднял глаза и ответил: а, спасибо.

Сквозь стекло я наблюдала, как Бобби поправляет потекший макияж под глазом. У нее были узкие запястья и длинные изящные кисти. Порой, когда я занималась чем-то нудным – шла с работы или развешивала постиранное белье, – я представляла, что выгляжу как Бобби. Ее осанка была лучше моей, а лицо – красивым и запоминающимся. Иллюзия перевоплощения была настолько реальна, что, случайно заметив свое отражение и увидев настоящую себя, я переживала странный шок обезличенности. Сейчас, когда Бобби сидела прямо перед глазами, проделать этот трюк было гораздо сложнее, но я все равно попыталась. Захотелось сказать что-нибудь глупое и провокационное.

Похоже, я тут иду в нагрузку, сказала я.

Ник бросил взгляд на веранду, где Бобби что-то изображала, встряхивая волосами.

Думаешь, Мелисса слишком уж выделяет Бобби? – сказал он. Если хочешь, я с ней поговорю.

Нормально. Все без ума от Бобби.

Правда? Должен сказать, я больше проникся к тебе.

Мы посмотрели друг на друга. Я поняла, что он стебется, и улыбнулась.

О да, я сразу ощутила мистическую связь, кивнула я.

Меня тянет к поэтическим натурам.

Ну что ж. У меня цветистый внутренний мир, уж поверь.

Он засмеялся. Я знала, что это нахальство с моей стороны, но не слишком себя винила. На веранде Мелисса закурила сигарету и положила камеру на стеклянный кофейный столик. Бобби чему-то сосредоточенно кивала.

Я думал, сегодняшний вечер превратится в кошмар, но на самом деле неплохо, сказал Ник.

Он сел рядом. Мне понравилась его внезапная откровенность. В памяти всплыло, что я видела его фотографии без рубашки в интернете, а он и не в курсе, и в тот момент это меня так развеселило, что я чуть ему не рассказала.

Я тоже не любительница званных ужинов, сказала я.

По-моему, ты неплохо справилась.

И ты отлично держался. Просто здорово.

Он улыбнулся. Я старалась запомнить его слова, чтобы потом пересказать Бобби, но у меня в голове они звучали не так уж смешно.

Двери открылись, и Мелисса вошла, держа камеру обеими руками. Сняла нас за столом – у Ника в руке бокал, я рассеянно смотрю в объектив. Она села рядом и уставилась на

экран фотоаппарата. Вернулась Бобби и, никого не спросив, сама долила себе вина. На ее лице читалось блаженство – видно было, что она пьяна. Ник рассматривал ее, но молчал.

Я напредила, что нам надо успеть на последний автобус, и Мелисса пообещала прислать фотографии. Улыбка Бобби слегка померкла, но намекаль, что мы бы посидели еще, было уже поздно. Нам вручили куртки. У меня голова шла кругом, и теперь, когда Бобби притихла, я беспричинно смеялась про себя.

До остановки было десять минут пешком. Вначале Бобби приуныла, словно чем-то расстроена или раздражена.

У вас там все нормально прошло? – сказала я.

Я беспокоюсь за Мелиссу.

Ты о чем?

Не похоже, что она счастлива, сказала Бобби.

А в каком смысле несчастна? Она тебе что-то сказала?

Не похоже, что они с Ником счастливы вместе.

Правда?

Грустно все это.

Я не сказала, что Бобби и видела-то Мелиссу два раза, хотя, наверное, сказать стоило. И правда, Ник и Мелисса не были похожи на пару, которая без ума друг от друга. Он же сказал мне ни с того ни с сего, что от вечеринки, которую устроила его жена, ожидал «кошмара».

По-моему, он прикольный, сказала я.

Да он рта не раскрыл.

Зато он очень забавно молчит.

Бобби не рассмеялась. Ну и ладно. В автобусе мы почти не разговаривали: я видела, что ей не очень-то интересен мой отчет о разговоре с «трофейным мужем» Мелиссы, а других тем для разговора мне в голову не приходило.

Вернувшись домой, я почувствовала себя гораздо пьянее, чем в гостях. Бобби отправилась к себе, и я осталась одна. Прежде чем лечь спать, включила повсюду свет. Порой я так делала.

* * *

В то лето родители Бобби со скандалом разошлись. У матери Бобби, Элеанор, всегда была хрупкая психика, и временами она подолгу страдала от некой болезни, так что любимым родителем Бобби выбрала отца. Она всегда называла их обоих по имени. Вначале, наверное, в этом было бунтарство, но теперь казалось, что они коллеги, а семья – малый бизнес, которым все они заправляют. Лидии, сестре Бобби, исполнилось четырнадцать, и ей, в отличие от Бобби, не хватало самообладания.

Мои родители разошлись, когда мне было двенадцать, и отец вернулся в Баллину, где когда-то и познакомился с мамой. До окончания школы я жила с мамой в Дублине, а потом она тоже переехала в Баллину. Поступив в колледж, я поселилась в районе Либертис, в квартире папиного брата.

В учебные месяцы он сдавал вторую комнату другим студентам, так что по вечерам я старалась не шуметь и вежливо говорила «привет», встречаясь с соседом на кухне. Но летом, когда сосед уезжал на родину, я жила в квартире совсем одна, заваривала кофе когда захочу и повсюду оставляла раскрытые книги корешками вверх.

Я проходила стажировку в литературном агентстве. Там был еще один стажер, по имени Филип, с ним мы познакомились в колледже. Нам полагалось читать тонны рукописей и писать короткие, на страничку, рецензии об их литературной ценности. Ценность обычно оказывалась нулевая. Порой Филип издевательски зачитывал вслух самые бездарные отрывки, чем ужасно меня смешил, но мы никогда себе такого не позволяли при старших коллегах. Работали мы три дня в неделю и получали «стипендию», то есть нам почти не платили. Я тратилась только на еду, а Филип вообще жил дома, и нам это было не сильно важно.

Вот так и работают привилегии, однажды сказал мне Филип. Богатые придурки типа нас устраиваются на неоплачиваемые стажировки, а потом получают за это работу.

За себя говори, ответила я. Я вообще не собираюсь работать.

Тем летом мы с Бобби часто участвовали в поэтических чтениях и «открытых микрофонах». Когда мы выходили покурить и выступавшие там же парни заговаривали с нами, Бобби выразительно вздыхала и молчала, так что я отдувалась за нас обеих. То есть мне приходилось много улыбаться и запоминать детали чужих выступлений. Мне нравилось играть эту роль – улыбчивой и внимательной девушки. Бобби говорила, что у меня, кажется, нет «реальной личности», – она считала это комплиментом. Обычно я с нею соглашалась. Я чувствовала, что могу в любой момент сделать что угодно, а потом подумать: ого, вот я, оказывается, какая!

Несколько дней спустя Мелисса прислала фотографии, сделанные за ужином. Я ожидала, что на большинстве будет Бобби, а я лишь на паре снимков – размыто, в глубине кадра, позади горящей свечи, с вилкой спагетти. На самом деле на каждый снимок Бобби приходился один мой – прекрасное освещение, удачная композиция. Ник на фотографиях тоже был – я не ожидала. Он выглядел ослепительно, еще лучше, чем в жизни. Наверное, поэтому он успешный актер. По фото можно было подумать, что он – главное действующее лицо, хотя в тот вечер я ничего такого не ощущала.

Мелисса не появилась ни в одном кадре. Так что вечеринка на фотографиях лишь отчасти напоминала ту, где мы по-

бывали. В реальности все наши разговоры крутились вокруг Мелиссы. Это она вызывала у нас гримасы сомнения и восхищения. Мы смеялись над ее шутками. Без нее все выглядело по-другому, неуловимо странным. Без Мелиссы отношения между людьми на фотографиях стали непонятны.

На моей любимой фотографии я мечтательно смотрю прямо в объектив, а Ник – на меня, будто ожидая моих слов. Рот у него слегка приоткрыт. Он как будто не знал, что его снимают. Хорошая фотография, но на самом деле я, конечно, смотрела на Мелиссу, а Ник просто еще не заметил, что она вошла. Тут было схвачено что-то интимное, чего в реальности не случилось, какая-то недосказанность и напряжение. Я сохранила ее в папку «загрузки», чтобы потом посмотреть еще.

Бобби написала мне примерно через час после того, как пришли фото.

Бобби: отлично мы получились, да?

Бобби: интересно, а на фейсбук как фото профиля их уже можно поставить?

я: нет

Бобби: она сказала, что статья выйдет не раньше сентября?

я: кто сказала?

Бобби: мелисса

Бобби: может потусуемся вечером?

Бобби: фильм посмотрим или что-нибудь еще придумаем

Бобби давала мне понять, что она близко общается с Мелиссой, а я нет. Это меня впечатлило, как она и задумывала, но одновременно я скисла. Я знала, что Бобби нравится Мелиссе больше, чем я, и не понимала, как вписаться в эту их новую дружбу и не унизить себя, вымаливая внимание. Я хотела, чтобы Мелисса мной интересовалась, – все-таки мы обе писательницы, – но, похоже, я ей не понравилась, да и она мне, пожалуй, не очень-то. Не воспринимать ее всерьез я не могла – она опубликовала книгу, а значит, куча народу, в отличие от меня, воспринимает ее всерьез. В двадцать один год у меня не было никаких достижений и доказательств того, что я чего-то стою.

Я сказала Нику, что от Бобби все без ума, а от меня нет, но это было неправдой. Бобби порой бывала задиристой и бесшабашной, людям становилось неловко, а я всегда держалась вежливо и по-доброму. Матерям, например, я всегда нравилась. К мужчинам Бобби обычно относилась с насмешливым презрением, так что и они в итоге предпочитали меня. Бобби надо мной, конечно, посмеивалась. Однажды прислала мне фотографию Анджелы Лэнсбери³ с темой письма: твоя целевая аудитория.

В тот вечер Бобби пришла ко мне, и мы даже не упоминали Мелиссу. Я знала, что она выжидает, хочет, чтобы я спро-

³ Лэнсбери Анджела (р. 1925) – англо-американская певица и актриса; помимо многих прочих ролей, сыграла главную героиню в сериале «Она написала убийство» (*Murder, She Wrote*, 1984–1996) – неунывающую и сообразительную пенсионерку и путешественницу Джессику Флетчер.

сила сама, поэтому я молчала. Похоже на пассивную агрессию, но на самом деле ничего такого. Мы хорошо провели время. Долго разговаривали, и Бобби уснула на матрасе в моей комнате.

* * *

В ту ночь я проснулась вся в поту под одеялом. Вначале казалось, что это еще сон или я кино смотрю. Комната деформировалась, окно и дверь как будто дальше, чем обычно. Я попыталась сесть, и низ живота пронзила странная, мучительная боль, от которой перехватило дыхание.

Бобби? – позвала я.

Она перевернулась на другой бок. Я хотела потрясти ее за плечо, не смогла дотянуться и от усилия совершенно ослабела. В то же время мощь этой боли необъяснимо воодушевила меня, словно она могла как-то непредсказуемо изменить мою жизнь.

Бобби, сказала я. Бобби, проснись.

Она не проснулась. Я свесила ноги с кровати и умудрилась встать. Боль становилась терпимей, если я скрючивалась и крепко обнимала живот. Я обошла матрас и направилась в ванную. По пластику вентиляционной решетки громко стучал дождь. Я присела на край ванны. Из меня текла кровь. Просто месячные. Я уткнулась лицом в ладони. Пальцы дрожали. Я сползла на пол и прижалась щекой к прохладному

бортику ванны.

Немного погодя в дверь постучала Бобби.

Что случилось? – сказала она из-за двери. У тебя все нормально?

Просто болезненные месячные.

Ох. Обезболивающее у тебя там есть?

Нет.

Я тебе дам.

Ее шаги удалились. Я ударилась лбом о край ванны, чтоб отвлечься от боли в животе. Боль была мучительной, словно все внутренности завязывали в узел. Снова раздались шаги, дверь ванной приоткрылась. Бобби просунула в щель упаковку ибупрофена. Я подползла и взяла, Бобби ушла.

Наконец начало светать. Бобби проснулась и помогла мне добраться до дивана в гостиной. Заварила мне мятный чай, и я сидела, прижав чашку к животу повыше лобка, пока не стало обжигать через футболку.

Как же тебе хреново, сказала Бобби.

Всем хреново.

Ну да, сказала она. Ценное наблюдение.

* * *

Я не шутила, когда сказала Филипу, что не собираюсь устраиваться на работу. Я правда не собиралась. Я не строила планов насчет будущей финансовой стабильности: нико-

гда не хотела ничего делать ради денег. В предыдущие годы мне случалось подрабатывать летом – рассылка писем по электронной почте, «холодные звонки», все в таком духе, – и после получения диплома я думала плотнее заняться тем же самым. Я знала, что в конце концов придется куда-то выйти на полный рабочий день, но никогда не мечтала о блестящем будущем и своей активной роли в экономической жизни. Порой казалось, что неспособность увлечься и безразличие к собственной жизни – повод беспокоиться. С другой стороны, я чувствовала, что мое равнодушие к богатству – очень здоровое. Я выяснила, какой средний годовой доход придется на каждого человека, если разделить валовой мировой продукт на все население Земли, и согласно Википедии получилось 16 100 долларов. Я не видела ни политических, ни экономических причин зарабатывать больше.

Начальницу в литературном агентстве звали Санни. Она нравилась и мне, и Филипу, но Санни выделяла меня. Филипа это не задевало. Он говорил, что и сам предпочел бы меня. По-моему, в глубине души Санни догадывалась, что я не хочу становиться литературным агентом, – может, потому она меня и выделяла. Филип, напротив, был в восторге от работы в агентстве, и, хоть я и не осуждала его за строительство планов на жизнь, мне казалось, я растрачиваю свою энергию гораздо разборчивее.

Санни заботилась о моей карьере. Она была невероятно честной, то и дело отпускала неожиданные и откровенные

замечания, и это нас с Филипом подкупало.

Может, журналистика? – спросила она меня.

Я как раз возвращала ей стопку просмотренных рукописей.

Тебе интересен мир, сказала она. Ты много знаешь. Интересуешься политикой.

Я?

Она засмеялась и покачала головой.

Ты одаренная, ответила она. Тебе же придется чем-то заниматься.

Может, выйду замуж по расчету.

Она отмахнулась.

Иди работай уже, сказала она.

* * *

В ту пятницу мы выступали в центре города. Каждое стихотворение я читала примерно полгода после того, как оно было написано, а потом уже терпеть его не могла, не то что декламировать на публике. Почему так происходило – загадка, но меня устраивало, что мои стихи лишь звучат со сцены и нигде не публикуются. Они улетучивались под аплодисменты. Настоящие писатели и художники вынуждены то и дело сталкиваться со своими уродливыми произведениями, которые уже не изменить. Меня бесило, до чего уродливо все, что я делаю, и бесило, что я не могу признать, до чего

оно уродливо. Я изложила эту теорию Филипу, но он только ответил: не принижай себя, ты настоящий писатель.

Мы с Бобби красились в гримерке и обсуждали новое стихотворение.

Мне нравятся твои мужские персонажи, сказала Бобби, потому что все они у тебя чудовища.

Они не чудовища.

Ну, в лучшем случае – морально неоднозначны.

Мы же все такие, нет? – сказала я.

Написала бы про Филипа – вот он без червоточки. Он «славный».

Она пальцами изобразила кавычки, хотя по правде считала, что Филип славный. Просто Бобби ни про кого не могла сказать «славный» без кавычек.

Мелисса обещала прийти, но мы обнаружили ее в зале только после выступления, в половине одиннадцатого или в одиннадцать. Она сидела с Ником, Ник – в костюме. Мелисса похвалила нас, сказала, что чтения ей понравились. Бобби взглянула на Ника, словно и от него ждала комплимента, и его это насмешило.

Я не видел ваше выступление, сказал он. Я только что пришел.

Ник в этом месяце играет в Королевском театре, пояснила Мелисса. Он занят в «Кошке на раскаленной крыше»⁴.

⁴ *Cat on a Hot Tin Roof*, 1955 – драма американского писателя Теннесси Уильямса, за которую он в 1955 году получил Пулитцеровскую премию.

Но вы наверняка были великолепны, сказал он.

Давайте я вам закажу выпить, предложила Мелисса.

Они с Бобби отправились к бару, и мы с Ником остались за столиком вдвоем. Он был без галстука, но костюм на вид дорогой. Мне было жарко, и я волновалась, что вспотею.

Как спектакль? – сказала я.

Сегодняшний? Нормально, спасибо.

Он отстегнул запонки. Положил их на стол рядом с бокалом, и я заметила, что это расписная эмаль под ар-деко. Я хотела было восхититься ими вслух, но не смогла. Вместо этого оглянулась якобы в поисках Мелиссы и Бобби. Когда развернулась обратно, Ник уже достал телефон.

Хотелось бы посмотреть, сказала я. Люблю эту пьесу.

Так приходи, я отложу билеты.

Он ответил, не поднимая глаз от телефона, и я подумала, что говорит он неискренне или тут же забудет про свое предложение. Я пробормотала что-то утвердительное и ни к чему не обязывающее. Сейчас, когда он не обращал на меня внимания, я могла рассмотреть его пристально. Он действительно был на редкость симпатичный. Наверное, настолько привлекательные люди в конце концов привыкают к собственной красоте, она их даже утомляет, но мне такое и представить было трудно. Будь я настолько же хороша собой, я бы наслаждалась каждым мгновением, подумала я.

Фрэнсис, прости за это хамство. Просто мама прислала сообщение. Надо написать ей, что разговариваю с поэтом, ее

это впечатлит.

Ты же не знаешь. Может, я бездарный поэт.

Он улыбнулся и сунул телефон во внутренний карман. Я посмотрела на его руку и отвела взгляд.

Я слышал другое, сказал он. Может, в следующий раз сам оценю.

Вернулись Мелисса и Бобби с напитками. Я отметила, что Ник упомянул мое имя, чтобы показать: он не забыл меня с прошлой встречи. Разумеется, я тоже помнила, как его зовут, но он был старше, знаменитей, и его любезность мне очень польстила. Выяснилось, что Мелисса приехала в клуб на их машине, и Нику пришлось тащиться сюда после работы, чтоб она подвезла его до дома. Похоже, его мнения при этом никто не спросил, и весь вечер он скучал с усталым видом.

На следующий день Мелисса прислала имейл: нам отложили два билета на следующий четверг, но если у нас другие планы, то не стоит переживать. Она приписала адрес электронной почты Ника: на всякий случай, если захотите друг с другом связаться.

Бобби в четверг собиралась поужинать с отцом, и мы предложили второй билет Филипу. Он спросил, удастся ли после спектакля пообщаться с Ником, но я не знала. Я сомневалась, что он захочет с нами разговаривать, и ответила, что мы просто посмотрим спектакль и уйдем, как обычные зрители. Филип не был знаком с Ником, но видел его по телевизору и считал, что тот выглядит «грозно». Он засыпал меня вопросами про Ника, про то, каков Ник в обычной жизни, но ни на один я не могла толком ответить. Когда мы купили программку, Филип долистал до страницы с биографиями актеров и показал мне фотографию Ника. На ней в приглушенном свете были видны лишь контуры лица.

Ты только посмотри, какой подбородок, сказал он.

Ну да, вижу.

Сцена осветилась, вышла актриса, игравшая Мэгги, и завопила с южным акцентом. Акцент был неплох, но все-таки она слишком актерствовала. Она сбросила платье, осталась в комбинации, как у Элизабет Тейлор в фильме, и выглядела естественней, чем Тейлор, но и как-то менее убедительно. Я рассмотрела этикетку, пристроченную к шву комбинации, и это убило ощущение подлинности, хотя и одежда, и этикетка несомненно были настоящими. Я заключила, что порой реалистичность создает эффект нереальности, и по этому по-

воду вспомнила философа Жана Бодрийяра, хотя не читала его книг и не знала, писал ли он об этом вообще.

Наконец появился Ник – вышел из двери справа, на ходу застегивая рубашку. Я так смутилась, будто все зрители в зале развернулись понаблюдать за моей реакцией. На сцене он выглядел совсем по-другому, даже голос неуловимо изменился. Держался он надменно и отстраненно, как бы давая почувствовать, что в сексе он любит пожестче. Я задышала ртом и несколько раз облизала губы. В целом постановка оказалась слабовата. Актеры неумело изображали акцент, происходящее на сцене смотрелось бутафорией, которую еще не придумали куда приткнуть. Все это только подчеркивало, как сногсшибателен Ник, его страдания выглядели подлинными.

Когда мы вышли из театра, снова зарядил дождь. Я чувствовала себя невинной и невесомой, как новорожденная. Филип раскрыл зонт, мы бок о бок пошли к остановке его автобуса, и я ненормально улыбалась в пустоту, то и дело поправляя волосы.

Это было интересно, сказал Филип.

По-моему, Ник играл на голову выше остальных.

Да уж, с трудом высидели, да? Но Ник был очень хорош.

Я слишком громко рассмеялась и тут же умолкла, сообразив, что ничего смешного тут нет. Вокруг зонта парила прохладная морось, и я стала придумывать, что бы такого интересного сказать о погоде.

Он красивый, услышала я собственный голос.

Почти до отвращения.

Мы пришли на автобусную остановку и немного поспори-ли, кто возьмет зонт. В конце концов он достался мне. Дождь усилился, стемнело. Мне хотелось еще поговорить о спек-такле, но автобус Филипа должен был появиться с минуты на минуту. Я знала, что Филип не захочет мусолить эту те-му, но все равно огорчилась. Он начал отсчитывать деньги на билет и прощаться. И я пошла домой.

Войдя в квартиру, я оставила зонтик у двери и открыла ноутбук – посмотреть на электронную почту Ника. Надо, ду-мала я, написать ему пару строк, поблагодарить за билеты, но все блуждала взглядом по комнате, цепляясь за предметы – постер Тулуз-Лотрека над камином или грязное пятно на окне во внутренний дворик. Встала и покружила по кварти-ре, поразмыслила. Оттерла пятно влажной тряпкой и зава-рила чай. Подумала, не позвонить ли Бобби, обсудить, сто-ит ли писать Нику, но вспомнила, что она ужинает с отцом. Я набросала черновик и тут же удалила, чтобы случайно не отправить. Потом еще раз написала то же самое.

Я пялилась на экран, пока он не ушел в спящий режим. Я придаю некоторым вещам ненормально огромное значение, подумала я. Надо научиться расслабляться и отпускать ситу-ацию. Стоило бы попробовать наркотики. Мысль для меня не нова. Я включила музыкальный центр в гостиной, поста-

вила «Astral Weeks»⁵ и села прямо на пол послушать. Я старалась не заикливаться на спектакле, но поймала себя на том, что вспоминаю, как Ник выкрикивал на сцене: «Не хочу я опираться на твое плечо, дай мне костыль!»⁶ Интересно, у Филипа тоже пьеса не идет из головы, или это только у меня? Надо быть веселой и приятной, решила я. Веселый человек написал бы «спасибо».

Я встала и напечатала короткое сообщение: похвалила его игру и поблагодарила за билеты. Поменяла предложения местами и не задумываясь нажала «отправить». Захлопнула ноутбук и снова устроилась на полу.

Я ждала звонка от Бобби с рассказом о том, как прошел ужин с Джерри. И она позвонила, когда альбом закончился. Я ответила, так и сидя на полу под стенкой. Отец Бобби был высокопоставленным чиновником в министерстве здравоохранения. По жизни она яростно выступала против истеблишмента и привилегий, но только не с Джерри, тут она не стремилась к последовательности. Он сводил ее в баснословно дорогой ресторан, и они заказали ужин из трех блюд с вином.

Это он дает понять, что я теперь взрослая, сказала Бобби. И что он принимает меня всерьез, бла-бла-бла.

Как дела у мамы?

⁵ «Astral Weeks» (1968) – второй сольный альбом англо-ирландского певца Вана Моррисона.

⁶ Перев. В. Вульфа и А. Дорошевича.

Опять сезон мигрени. Мы все ходим на цыпочках, как монахи-трапписты⁷, елки. А как спектакль?

Ник был вообще-то очень хорош, сказала я.

Ну и славно. А то я опасалась, что будет ужасно.

Да, так и было. Извини, теперь я вспомнила твой вопрос. В целом спектакль так себе.

Бобби что-то фальшиво промурлыкала себе под нос и ничего не сказала.

Помнишь, когда мы от них возвращались, ты говорила, что они вроде как несчастливы вместе? – сказала я. Это ты почему так решила?

Мелисса была какая-то подавленная, по-моему.

Но почему? Именно из-за мужа?

Ну, тебе не кажется, что Ник с ней жестковат?

Нет. А тебе?

Когда мы пришли в первый раз, он хмурился, а потом накричал на Мелиссу из-за того, что собака не накормлена, помнишь? А когда мы уже легли, было слышно, как они ругаются.

Когда Бобби это сказала, я вспомнила, что между ними действительно чувствовалось взаимное раздражение, но я бы не сказала, что Ник на Мелиссу накричал.

Она там была? – сказала Бобби. В театре?

⁷ Трапписты – католический монашеский орден, отличающийся строгостью правил: у них принят физический труд, ограничения питания и разговоров, а также другие аскетические практики.

Нет. Может, и была, но мы ее не встретили.

Она не любит Теннесси Уильямса. Считает, что он слишком манерный.

Я слышала, что Бобби произнесла эти слова с насмешливой улыбкой, рисуясь передо мной. Я позавидовала, но тут же вспомнила, что я теперь в клубе видевших пьесу, а Бобби – нет. Для нее Ник оставался второстепенным персонажем, просто мужем Мелиссы. Если бы я сейчас сказала, что несколько минут назад отправила ему письмо с благодарностью за билеты, она бы даже не поняла, что я тоже рисуюсь, ведь для нее Ник – всего лишь тот, кто заставляет Мелиссу страдать, при этом ничего собой не представляя. Теперь она вряд ли увидит спектакль, а другого способа убедить ее, что Ник интересен сам по себе, я не знала. Когда я упомянула, что он вскоре собирается заглянуть на наше выступление, она спросила только, значит ли это, что Мелисса тоже придет.

Ник ответил мне завтра после обеда – только строчными буквами, поблагодарил, что я пришла, и спросил, когда мы с Бобби выступаем в следующий раз. Писал, что играет в Королевском театре каждый вечер, а по выходным еще и утром, так что вряд ли успеет к нам, если мы начнем раньше половины одиннадцатого вечера. Я ответила, что постараюсь что-нибудь придумать, но даже если он не сможет прийти, это не повод расстраиваться. Он написал: но тогда это будет не очень взаимно, правда?

Летом я скучала по моментам предельной концентрации на учебе, которая охватывала во время семестра. Я любила сидеть в библиотеке и писать эссе, теряя ощущение себя и времени, пока за окнами не стемнеет. Открывала в браузере по пятнадцать вкладок, соединяя в предложения фразы вроде «эпистемическая реарктикуляция» и «современные дискурсивные практики». В такие дни я обычно забывала поесть, и по вечерам голова раскалывалась от звенящей, пронзительной боли. Физические ощущения обретали потрясающую новизну: ветер был свеж, пение птиц – необычайно. Еда и напитки становились небывало вкусными. В конце концов я распечатывала эссе, даже не перечитывая. Когда я получала работу обратно, на полях пестрели пометки «здорово сформулировано», а порой «блестяще». Каждый раз, когда было написано «блестяще», я фотографировала эту страницу на телефон и отправляла Бобби. Она отвечала: поздравляю, самомнение у тебя зашкаливает.

С самомнением у меня всегда было непросто. Я знала, что интеллектуальные достижения – не повод считать себя лучше других, но когда в моей жизни случалось что-то плохое, меня утешала мысль, что я очень умная. Когда ребенком у меня не получалось завести друзей, я представляла, что я умнее всех учителей и всех детей, когда-либо учившихся в

школе, непризнанный гений среди обычных людей. Я чувствовала себя разведчицей. Подростком я зависала на интернет-форумах и свела дружбу с одним американским аспирантом двадцати шести лет. На фото у него были неестественно белые зубы, и он считал, что у меня мозги ученого-физика. Я писала ему по ночам, жаловалась, что в школе мне очень одиноко, а другие девчонки меня не понимают. Жаль, что у меня нет парня, писала я. Однажды ночью он прислал мне фотку своих гениталий. В центре кадра – эрегированный член, снятый со вспышкой, словно для медицинского осмотра. Несколько дней после этого меня грызли вина и страх, будто я совершила какое-то ужасное интернет-преступление, о котором все вдруг могут узнать. Я удалила свой аккаунт и забросила связанный с ним ящик электронной почты. Никому об этом не рассказала – некому было рассказывать.

* * *

В субботу я договорилась с организаторами, чтобы наше выступление сдвинули на половину одиннадцатого. Бобби я не предупредила и не стала объяснять причин. Мы тайком пронесли за кулисы бутылку белого вина и пили его из пластиковых стаканчиков в уборной на первом этаже. Мы обычно выпивали по паре бокалов вина перед выходом на сцену, но не больше. Сидели на раковинах, подливали себе вина и

обсуждали новые вещи, которые собирались исполнить.

Я не хотела признаваться Бобби, что нервничаю, но на самом деле переживала. Даже при взгляде в зеркало пробирал мандраж. Нет, я не считала, что плохо выгляжу. Лицо, может, и простовато, но я была настолько худая, что смотрелась эффектно, и одежду выбирала такую, чтобы еще сильнее это подчеркнуть, – темную, с глубоким декольте. Губы я накрасила красновато-коричневой помадой, и в тусклом свете уборной выглядела болезненной и слабой. В конце концов черты лица начали разбегаться, словно позабыли, где их место и как они друг с другом связаны, – так из слова ускользает смысл, если много раз его повторить. Может, у меня паническая атака, подумала я. Бобби велела мне перестать пялиться на свое отражение, и я перестала.

Наверху мы увидели Мелиссу – в одиночестве, с бокалом вина и фотокамерой. Кресло рядом с ней пустовало. Я пошарила глазами, но уже по очертаниям зала и шуму вокруг догадалась, что Ник не пришел. Я надеялась, что это меня успокоит, но нет. Ожидая, пока нас объявят, я несколько раз облизала зубы.

На сцене Бобби всегда была убедительна. Мне нужно было лишь подстроиться под нее, и, пока мне это удавалось, все шло отлично. Порой я выступала хорошо, порой просто нормально. Бобби всегда попадала в яблочко. В этот вечер она всех смешила и сорвала бурные аплодисменты. Несколько секунд мы стояли на сцене в свете прожекторов, под ру-

коплескания публики указывая друг на друга, в смысле: это все она! В этот момент я и увидела, как через дверь в глубине зала входит Ник. Кажется, он запыхался, словно быстро избежал по лестнице. Я моментально отвернулась и притворилась, будто не заметила. Я видела: он пытается поймать мой взгляд, и стоит мне ответить, он тут же изобразит раскаяние. Мысль об этом будоражила так, что хотелось скорее ее прогнать, – так бьет по глазам горящая лампочка без абажура. Публика все хлопала, и я чувствовала, что Ник взглядом провожает нас со сцены.

Позже, у бара, Филип заказал нам выпить и объявил, что новое стихотворение – его любимое. Я забыла принести ему зонт.

Говорят, что я ненавижу мужчин, сказала Бобби. Но вот ты, Филип, мне нравишься.

Я за два глотка выпила половину своего джин-тоника. Размышляла, не ускользнуть ли тихонько, никому ничего не говоря. Я могу уйти, думала я, и от этого становилось спокойнее – как будто собственная жизнь снова под контролем.

Давайте найдем Мелиссу, предложила Бобби. Представим тебя.

Ник сидел с Мелиссой, потягивая пиво из бутылки. Мне было неловко подходить. Последний раз, когда я его видела, он говорил с фальшивым акцентом, одет был по-другому, и я сомневалась, что готова услышать его настоящую речь. Но Мелисса уже нас заметила. Предложила сесть.

Бобби представила Мелиссе и Нику Филипа, тот пожал им руки. Мелисса заметила, мол, они уже встречались, и Филип расцвел. Ник как бы извинился за опоздание, а я по-прежнему старалась на него не смотреть. Я допила джин-тоник и гоняла кубики льда по дну бокала. Филип поблагодарил Ника за спектакль, и они заговорили о Теннесси Уильямсе. Мелисса опять назвала его «манерным», а я притворилась, будто впервые слышу, что она так о нем думает.

Потом мы заказали еще выпивки, и Мелисса предложила выйти покурить. Курить разрешалось во внутреннем дворике, там почти никого не было из-за дождя. Прежде я не видела, чтобы Ник курил, поэтому взяла сигарету, пусть мне и не хотелось. Бобби изображала парня, выступавшего перед нами. Получалось ужасно смешно, но жестоко. Мы все смеялись. Полило сильнее, и мы поспешили под козырек. Еще немного поболтали – солировала Бобби.

Прикольно, что ты играешь гея, сказала она Нику.

А Брик гей? – удивился он. – Я думал, он просто бисексуал.

Не говори «просто бисексуал», ответила она. Фрэнсис бисексуальна, ты знал?

Я не знала, сказала Мелисса.

Я глубоко затянулась сигаретой – я медлила. Понимала – все ждут, что же я отвечу.

Ну, сказала я. Есть такое, я всеядна.

Мелисса рассмеялась. Ник весело улыбнулся мне, а я тут

же отвела взгляд и притворилась, будто обнаружила что-то интересное в своем бокале.

Я тоже, сказала Мелисса.

Тут Бобби явно встrepенулась. Спросила Мелиссу о чем-то – я не расслышала. Филип ушел в уборную и оставил свой бокал на подоконнике. Я теребила цепочку на шее, чувствуя, как внутри теплеет от алкоголя.

Прости, что я опоздал, сказал Ник.

Он разговаривал лишь со мной. Словно только и ждал, чтобы Филип ушел и оставил нас вдвоем. Я ответила, мол, ничего страшного. Он держал сигарету между средним и указательным пальцами, и в его руке она казалась совсем крошечной. Я знала, что он может сыграть кого угодно, – может, у него, как у меня, тоже нет «подлинной личности»?

Я пришел как раз к овации, сказал он. Судя по ней, стихи и правда стоящие. Если честно, я прочитал твои тексты – ничего, что я признался? Мелисса мне переслала – она думает, я интересуюсь литературой.

Тут я перестала осознавать себя – вдруг забыла, как выглядят мое лицо и тело. Будто кто-то взял ластик и аккуратно меня стер. Это было удивительно и даже приятно, но еще я заметила, что замерзла и, наверное, дрожу.

Она не предупредила, что кому-то их перешлет, сказала я.

Не кому-то, а только мне. Я тебе про них напишу. Если я похвалю тебя прямо сейчас, ты решишь, что это просто слова, но письмо будет очень лестным.

Как мило. Люблю, когда меня хвалят и при этом не нужно смотреть человеку в глаза.

Он рассмеялся, и мне стало хорошо. Дождь полил как из ведра, Филип вернулся из уборной и втиснулся к нам под козырек. Мы соприкоснулись с Ником плечами, и я наслаждалась этой запретной физической близостью.

Дико, когда знакомишься с кем-то, сказал он, а потом выясняется, что этот человек постоянно за всем наблюдает и все подмечает. И ты такой: боже, а что обо мне подсмотрели?

Мы переглянулись. Ник был тривиально красив: чистая кожа, четко очерченные скулы, нежные губы. Но мимика делала его лицо незаурядным – умным и утонченным, придавала взгляду харизматичность. Когда он смотрел на меня, я чувствовала себя уязвимой, а еще понимала: он позволяет наблюдать за собой, он заметил мой интерес и мое желание составить о нем мнение, и ему самому любопытно, каким оно будет.

Ага, сказала я. Ничего хорошего.

Сколько тебе, двадцать четыре?

Двадцать один.

Секунду он смотрел на меня, словно думал, будто я шучу: глаза распахнуты, брови взлетели, а потом покачал головой. Актеров учат изображать эмоции, не испытывая их, подумала я. Он же знал, что мне двадцать один. Наверное, на самом деле просто хотел подчеркнуть нашу огромную разницу в возрасте и показать, что она его не радует. Из интернета я

знала, что ему тридцать два.

Ты же не позволишь этому разрушить нашу мистическую связь? – сказала я.

Он задержал на мне взгляд, улыбнулся двусмысленно, и мне это так понравилось, что я тут же остро ощутила: у меня есть рот. И он приоткрылся.

Как можно, сказал Ник.

Филип заторопился на последний автобус, а Мелисса вспомнила, что завтра утром у нее встреча и пора уходить. Так и разошлись. Бобби поехала к себе в Сандимаунт на пригородной электричке, а я пошла пешком по набережным. Лиффи разлилась и словно взбесилась. Мимо косяком проплывали такси и машины, а пьяный на другой стороне улицы выкрикнул, что любит меня.

Войдя в квартиру, я подумала о том, как Ник входит в зал под рукоплескания публики. Теперь мне казалось, что лучше и быть не могло: здорово, что он пропустил выступление. Он увидел, сколько народу мной восхищается, мне не пришлось рисковать, добиваясь его одобрения, и поэтому я, наверное, запросто могу общаться с ним и дальше, будто я тоже знаменита, окружена поклонниками, будто я ничем не хуже его. Ведь аплодисменты – часть выступления, пожалуй, лучшая его часть, они – ярчайшее выражение того, к чему я стремилась: стать человеком, достойным одобрения, достойным любви.

После того вечера мы встречались с Мелиссой время от времени, а порой она присылала имейлы, рассказывая, как идет работа над статьей. В гости мы к ним больше не ездили, но иногда сталкивались на разных литературных мероприятиях. Я старалась заранее угадать, будут ли они с Ником на том или ином вечере, потому что мне нравились они оба и нравилось, когда другие видели, как тепло эти двое ко мне относятся. Они знакомили меня с редакторами и агентами, которые изображали, что рады встрече, и заинтересованно расспрашивали о творчестве. Ник всегда держался дружелюбно, порой нахваливал меня, но никогда не усердствовал, втягивая меня в разговор, так что я уже не вздрагивала, встречаясь с ним взглядом.

На все мероприятия мы ходили вместе с Бобби, но ее интересовала только Мелисса. Во время книжной презентации на Доусон-стрит она сказала Нику, что «ничего не имеет против актеров», а он такой: о, спасибо, Бобби, это так великодушно. Когда однажды он пришел один, Бобби спросила: только ты? А где же твоя красавица-жена?

Я тебе не нравлюсь, или мне только кажется? – сказал Ник.

Ничего личного, сказала я. Она просто ненавидит мужиков.

Но если тебе от этого станет легче, ты лично мне тоже не нравишься, добавила Бобби.

После того вечера, когда Ник пропустил наше выступление, мы с ним начали переписываться. В обещанном письме про мои стихи он назвал один поэтический образ «прекрасным». Я бы тоже, пожалуй, могла сказать про игру Ника в спектакле «прекрасно», но я бы такого не написала. Скорее всего, потому, что выступление на сцене было связано с его физическим присутствием, а стихотворение, напечатанное стандартным шрифтом, да к тому же пересланное ему другим человеком, – не было. Если сильно абстрагироваться, можно представить, будто эти стихи мог написать кто угодно, хотя и это не совсем правда. Казалось, на самом деле он признавался: твои мысли и чувства – прекрасны, как и твое восприятие мира. Это его замечание преследовало меня потом еще несколько дней. Я непроизвольно улыбалась каждый раз, когда оно всплывало в памяти, будто вспоминала шутку, понятную лишь двоим.

Писать Нику было легко, азартно и волнующе, как в настольный теннис играть. Мы постоянно друг друга подкалывали. Узнав, что мои родители живут в графстве Мейо, он написал:

у нас была дача на Акилле⁸ (как и у всех уважаемых семей из Южного Дублина, разумеется).

⁸ Акилл – самый большой остров вблизи западного побережья Ирландии, графство Мейо.

Я ответила:

Рада, что родина моих предков помогает тебе поддерживать классовую идентичность.

P.S. Вообще-то, дачи должны быть объявлены вне закона.

Он был первым человеком после Бобби, разговорами с которым я наслаждалась, иррационально и чувственно, как наслаждалась кофе или громкой музыкой. Он меня смешил. Однажды обронил, что они с Мелиссой спят в разных комнатах. Я не сказала Бобби, но много об этом думала. Я размышляла, «любят» ли они еще друг друга, хотя сложно было представить, что Ник хоть к чему-нибудь относится без иронии.

Похоже, засыпал он только под утро, так что обычно мы переписывались по ночам. Он рассказал, что изучал английскую филологию и французский в Тринити, у нас даже обнаружили общие преподаватели. Он специализировался на английском и писал дипломную работу о Кэрил Черчилль⁹. Порой во время нашего разговора я гуглила Ника и рассматривала его фотографии, чтобы не забыть, как он выглядит. Я читала о нем в интернете все подряд и частенько сбрасывала ему цитаты из его же собственных интервью, даже когда он попросил меня прекратить. Сказал, что это «дико неловко». Я сказала: а ты перестань писать мне в 3:34 утра (на самом

⁹ Черчилль Кэрил (р. 1938) – британский драматург, в своих произведениях исследует темы власти, секса и феминизма.

деле нет). Он ответил: чтобы я писал 21-летней посреди ночи? не понимаю, о чем ты говоришь. я на такое не способен.

Однажды вечером на презентации новой поэтической антологии мы с Мелиссой остались беседовать с писателем, чьих книг я никогда не читала, а остальные ушли за выпивкой. Дело происходило в баре неподалеку от Дейм-стрит, и у меня ужасно болели ноги, потому что я надела слишком тесные туфли. Писатель поинтересовался, кто мой любимый автор, и я пожала плечами. Может, просто замолчать, чтоб он оставил меня в покое, подумала я, или это будет ошибкой – вдруг его книги популярны?

А ты крутая, сказал он. Она крутая, согласишься?

Мелисса покивала, но без энтузиазма. Моя крутизна, если она и была, ее совсем не волновала.

Спасибо, сказала я.

И ты умеешь принимать комплименты, это здорово, сказал он. Многие начинают себя обесценивать, а ты все делаешь правильно.

Да, я опытный получатель комплиментов, сказала я.

Я заметила, что он попытался переглянуться с Мелиссой, но та и внимания не обратила. Он чуть ли не подмигнул ей, но передумал. Опять с ухмылкой повернулся ко мне.

Ну, дерзить не обязательно, сказал он.

Тут вернулись Ник и Бобби. Писатель что-то сказал Нику, а тот в ответ назвал его «чуваком», типа: ну извини, чувак. Над этим жеманством я потом приколюсь в письме. Бобби

положила голову Мелиссе на плечо.

Когда писатель от нас отстал, Мелисса осушила бокал и усмехнулась мне.

Ты его прямо очаровала, сказала она.

Издеваешься? – спросила я.

Он тебя клеил. Сказал, что ты крутая.

Мы с Ником стояли бок о бок, и я не видела, какое у него лицо. Я ужасно хотела вернуть себе контроль над разговором.

Да, парни только и делают, что сообщают мне, какая я крутая, сказала я. И ждут, что я поведу себя так, будто мне никогда ничего подобного не говорили.

Мелисса расхохоталась. Я и не ожидала, что могу так ее рассмешить. На мгновение я подумала, что недооценивала и ее, и ее отношение ко мне. Но потом заметила, что Ник тоже смеется, и мне стало совершенно все равно, что там чувствует Мелисса.

Жестко, сказал он.

Ты не исключение, не лъсти себе, сказала Бобби.

Да, я плохой парень, никаких сомнений, сказал Ник. Я смеюсь не поэтому.

* * *

В конце июня я на пару дней поехала в Баллину навестить родителей. Мама не настаивала, но в последнее время в теле-

фонных разговорах то и дело слышалось: ой, да ты никак жива? Я тебя узнаю, когда приедешь, или тебе придется вставлять цветок в петлицу? В конце концов я купила билет на поезд, сообщила, когда меня ждать, и подписалась: верная долгу, твоя преданная дочь.

Бобби и моя мама отлично ладили. Бобби изучала политологию, что вызывало у матери уважение. Серьезное образование, говорила она, косясь на меня и приподнимая бровь. Мама симпатизировала социал-демократам, а Бобби в то время, кажется, считала себя анархо-социалисткой. Когда мама приезжала в Дублин, они с удовольствием спорили по мелочи о Гражданской войне в Испании. Порой Бобби оглядывалась на меня: Фрэнсис, ты же коммунистка, могла бы и поддержать. А мама смеялась: она-то?! С таким же успехом можешь у чайника помощи просить. Она никогда особо не интересовалась моей общественной и личной жизнью, и это устраивало нас обеих, но когда мы расстались с Бобби, мама сказала «ужасно жаль».

В субботу она встретила меня уезда, и мы весь день провели в саду. Горячий воздух окутывал недавно постриженный газон – ад для аллергика. Нежную ткань неба длинными стежками прошивали птицы. Мама полола сорняки, я притворялась, будто помогаю, а на самом деле просто болтала. Я неожиданно обнаружила, что с огромным воодушевлением рассказываю про новые знакомства – про всех редакторов и писателей, которых встретила в Дублине. Я стяну-

ла перчатки, чтобы вытереть пот со лба, и обратно так и не надела. Спросила у мамы, не выпить ли чаю, но она словно не слышала. Я уселась под кустом фуксии, обрывала с него цветки и снова говорила про знаменитостей. Слова так и летели с языка. Я и не знала, сколько всего мне хочется рассказать и что рассказывать будет настолько приятно.

В конце концов мама стянула перчатки и опустилась в садовое кресло. Я сидела скрестив ноги, разглядывая носки кроссовок.

Похоже, эта Мелисса вскружила тебе голову, сказала она. Разве?

Она тебя познакомила с кучей людей.

Бобби ей нравится больше, сказала я.

А ее мужу нравишься ты.

Я пожала плечами, мол, не знаю. Облизала большой палец и принялась оттирать засохшую землю с кроссовки.

Они ведь еще и богаты? – сказала мама.

Ну да. Он из состоятельной семьи. И дом у них очень славный.

Вот уж не думала, что тебя прельщают пафосные дома.

Эти слова меня задели. Я продолжила оттирать кроссовку так, словно не уловила ее тон.

Я не прельшаюсь, сказала я. Просто рассказала, что у них за дом.

Для меня все это какое-то безумие. Зачем этой женщине в ее-то годы тусоваться со студентами?

Ей тридцать семь, не пятьдесят. И она пишет о нас статью, я же говорю.

Мама встала с кресла и вытерла руки о льняные рабочие штаны.

Да уж, ты выросла совсем не в славных домах Монкстауна.

Я засмеялась, и она протянула мне руки, чтобы помочь встать. Руки у нее были большие и бледные, не как у меня. Они многое умели, в отличие от моих, и моя ладонь легла в них так, словно ее нужно починить.

С папой встретишься вечером? – сказала она.

Я убрала руку и сунула в карман.

Может быть, сказала я.

* * *

Мне с детства было ясно, что родители недолюбливают друг друга. В кино и по телевизору пары всю домашнюю работу делали вместе и постоянно о чем-то с теплотой вспоминали. Не припоминаю, чтобы мои родители бывали в одной комнате, разве что ели вместе. У отца случались «перепады настроения». Порой, когда отец был «не в настроении», мама увозила меня к своей сестре Берни в Клонтарф, где они сидели на кухне, разговаривая и качая головами, а я наблюдала, как мой двоюродный брат Алан играет в «Окарину вре-

мени»¹⁰. Я догадывалась, что тут как-то замешан алкоголь, но какова именно его роль, оставалось для меня загадкой.

Ездить к Берни я любила. Там мне разрешали есть печенья сколько влезет, а вернувшись домой, мы заставляли отца в раскаянии или вовсе не заставляли. Мне больше нравилось, когда его не было. Иначе его одолевало желание поговорить со мной про школу, а я не могла выбрать – подыгрывать ему или игнорировать. Подстраиваясь под него, я чувствовала себя беспомощной и бесцестной, удобной мишенью. А если я старалась его не замечать, сердце бешено колотилось, и я не могла даже в зеркало на себя смотреть. И тогда мама плакала.

Сложно сказать, каковы были эти папины «настроения». Порой он пропадал из дома на пару дней, а когда возвращался, оказывалось, что он выпотрошил мою копилку или телевизор исчез. Отец натыкался на мебель и выходил из себя. Однажды споткнулся о мою туфлю и запустил ею мне в голову. Туфля улетела прямо в тлеющий камин, брызнули искры, а мне казалось, что это полыхает мое лицо. Я научилась не выказывать страха – его это только раззадоривало. Я была холодна как рыба. Потом мама спросила: почему ты ее не вытащила из огня? Могла хотя бы попытаться? Я пожала плечами. Я бы и собственное лицо сожгла в камине запросто.

Когда по вечерам он возвращался с работы, я замирала,

¹⁰ *The Legend of Zelda: Ocarina of Time*, 1998 – приключенческая игра для Nintendo.

прислушиваясь, и уже через несколько секунд совершенно точно знала, «в настроении» он или нет. Я понимала по стуку двери и звону ключей – безошибочно, как будто он кричал на весь дом. Я говорила маме: он «не в настроении». А она отвечала: прекрати. Но она все понимала не хуже меня. Когда мне было двенадцать, он как-то раз заехал за мной в школу. Но домой мы не поехали, а отправились за город, к Блэкроку. Слева мимо нас промчалась пригородная электричка, через окно машины я рассматривала трубы электростанции Пулбег. Твоя мать хочет разрушить нашу семью, сказал папа. Я моментально ответила: выпусти меня из машины, пожалуйста. Позже отец вспоминал эти мои слова в доказательство, что мать настроила меня против него.

Он переехал в Баллину, и я навещала его по выходным два раза в месяц. Обычно он вел себя пристойно, мы заказывали еду навынос и порой ходили в кино. Я постоянно приглядывалась, ждала сигнала, что хорошему настроению пришел конец и сейчас начнет твориться что-то ужасное. Все что угодно могло стать сигналом. Но когда по вечерам мы ходили в «Маккарти», отцовские друзья вопрошали: так это твой маленький гений, Деннис? И они просили меня разгадать пару строк в кроссворде из газеты или сказать, как пишется какое-нибудь длинное замысловатое слово. Когда я отвечала, они хлопали меня по спине и заказывали мне красный лимонад.

Далеко пойдет, в НАСА будет работать, говорил его дру-

жок Пол. У тебя до конца жизни все будет путем.

Что захочет – то пусть и делает, отвечал отец.

Бобби встречалась с ним лишь однажды, на школьном выпускном. Он специально приехал в Дублин, в костюме и с фиолетовым галстуком. Мама рассказала ему про Бобби, и после церемонии он пожал Бобби руку и похвалил: великолепное выступление. Мы в школьной библиотеке ели треугольные сэндвичи и запивали колой. А Фрэнсис похожа на вас, заметила Бобби. Мы с отцом переглянулись, и он робко рассмеялся. Даже не знаю, ответил он. Потом сказал мне, мол, Бобби прелестная девушка, и поцеловал меня в щеку на прощание.

Поступив в колледж, я стала появляться у него реже. Я ездила в Баллину раз в месяц и останавливалась у мамы. Отец вышел на пенсию, и его «настроения» стали еще непредсказуемей. Я начала понимать, сколько времени потеряла, успокаивая его, притворяясь веселой и собирая по дому вещи, которые он уронил. У меня аж челюсти сводило, и я начала вздрагивать от любого звука. Мы напряженно перебрасывались репликами, и он то и дело корил меня за то, что я говорю по-дублински. Ты смотришь на меня свысока, как-то раз сказал он, когда мы поругались. Не дури, отвечала я. Он засмеялся: о, вот видишь? Вот все и всплыло.

После обеда я сказала маме, что навещу его. Она пожала мне плечо и похвалила. Отличная идея, сказала она. Ты молодец.

Я шла по городу, руки в карманах куртки. Солнце садилось, и я гадала, что сейчас показывают по телевизору. Голова слегка пульсировала, боль словно лилась в нее с неба. Я старалась печатать шаг как можно громче, чтоб отвлечься от дурных мыслей, но люди оглядывались, и я смутилась. Я знала, что это безволие. Бобби вот никогда не стеснялась незнакомцев.

Отец жил в небольшом таунхаусе рядом с автозаправкой. Я позвонила в дверь и сунула руки обратно в карманы. Дверь не открылась. Я еще раз позвонила и подергала засаленную ручку. Дверь поддалась, и я вошла.

Папа? – позвала я. Привет?

В доме пахло прогорклым маслом и уксусом. Ковер в прихожей был затоптанный и грязный, так что узора не разобрать. У телефона висело семейное фото из отпуска на Майорке – там мне было года четыре, и я носила желтую футболку. На футболке значилось: «БУДЬ СЧАСТЛИВА».

Ау? – позвала я.

Отец появился в дверях кухни.

Фрэнсис, ты ли это? – сказал он.

Ага.

Так заходи, я как раз ужинал.

Огромное заляпанное кухонное окно смотрело на бетонный двор. Мойка была завалена грязной посудой, а из мусорного ведра на пол просыпались бумажки и картофельные очистки. Отец прошел по ним, словно и не заметил. Он ел что-то из коричневого бумажного пакета на голубом блюде.

Ты ведь не голодная? – сказал он.

Да, я обедала.

Ну давай, рассказывай, какие новости в Дублине.

Да ничего особенного, сказала я.

Он доел, я поставила чайник, наполнила мойку горячей водой, капнула в нее лимонное средство для мытья посуды. Отец ушел в гостиную смотреть телевизор. Вода оказалась слишком горячей – когда я опустила в нее руки, они на глазах покраснели. Сначала я помыла стаканы и вилки с ложками, потом тарелки, затем кастрюли и сковородки. Домыв, слила воду, протерла все поверхности в кухне и замела картофельные очистки обратно в ведро. Засмотрелась на мыльные пузыри: они беззвучно скользили по лезвиям ножей, и мне внезапно захотелось порезать себя. Вместо этого я убрала соль и перец и пошла в гостиную.

Я всё, сказала я.

Уходишь?

Да, мусор пора вынести.

Ну заглядывай, сказал отец.

В июле Мелисса пригласила нас на день рождения. Мы уже довольно давно ее не видели, и Бобби распереживалась, что подарить и нужно ли покупать подарок от каждой из нас или можно один на двоих. Я сказала, что в любом случае подарю бутылку вина и на этом всё. При встречах мы с Мелиссой старательно избегали смотреть друг другу в глаза. Они с Бобби перешептывались и хохотали, как школьницы. У меня не хватало отваги по-настоящему ее невзлюбить, но вообще-то хотелось.

Бобби была в коротенькой обтягивающей футболке и черных джинсах. Я – в летнем платье на тонких соскальзывающих бретельках. Вечер выдался теплый, и, когда мы появились на пороге, только начинало смеркаться. Между зеленоватых облаков, словно сахарный песок, были рассыпаны звезды. На заднем дворе лаяла собака. Я не видела Ника вживую уже целую вечность и немного нервничала из-за того, насколько ироничной и равнодушной я притворялась в переписке.

Дверь открыла сама Мелисса. Она обняла нас по очереди, и я ощутила на скуле ее пудровый поцелуй. Я вспомнила запах ее духов.

Подарков не нужно! – сказала она. Не стоило! Заходите, наливайте себе. Рада вас видеть.

Мы отправились вслед за нею в кухню, где было мало света, много музыки и полно народу в длинных ожерельях. Просторная комната сверкала чистотой. На миг я вообразила, что это мой дом, что я здесь выросла и все вещи вокруг мои.

Вино на столе, а если хочется чего покрепче, посмотрите в кладовке, сказала Мелисса. У нас тут самообслуживание.

Бобби налила себе внушительный бокал красного и вышла за Мелиссой на веранду. Не хотелось им навязываться, и я сделала вид, будто мне нужно «чего покрепче».

Кладовка размером со шкаф примыкала к кухне. Туда набились человек пять, они раскурили косяк и громко хохотали. Ник был среди них. Когда я вошла, кто-то сказал: о, а вот и копы! И все покатались со смеху. Я стояла, чувствуя себя рядом с ними малолеткой, и переживала, не слишком ли мое платье открывает спину. Ник сидел на стиральной машине и пил пиво из бутылки. В белой рубашке с расстегнутым воротом, разгоряченный. В комнатухе было дымно и душно, гораздо жарче, чем на кухне.

Мелисса говорит, крепкий алкоголь тут, сказала я.

Да, сказал Ник. Что тебе предложить?

Я попросила джин, и все притихли и уставились на меня миролюбиво и укуренно. Помимо Ника там были две женщины и двое мужчин. Женщины не смотрели друг на друга. Я украдкой бросила взгляд на свои ногти – чисты ли?

Ты тоже актриса? – спросил кто-то.

Она писатель, сказал Ник.

Он представил меня остальным, и я тут же забыла их имена. Он щедро плеснул джина в стакан и вспомнил, что где-то тут был тоник. Я подождала, пока он найдет.

Извини, не хотел тебя обидеть, сказал парень, просто здесь полно актрис.

Да, и Нику приходится осторожничать, чтоб не посмотреть куда не надо, добавил кто-то.

Ник бросил на меня взгляд – не то смутился, не то просто укурился, сложно сказать. Замечание явно было с сексуальным подтекстом, но что конкретно имелось в виду, я не поняла.

Да нет, сказал он.

Мелисса у нас теперь, значит, – девушка широких взглядов, сказал кто-то.

Все, кроме Ника, снова расхохотались.

Тут до меня дошло, что я для них какая-то диверсия сексуального толка, и поэтому они стебутся. Я не обиделась, просто представила, как забавно это можно описать в письме. Ник протянул мне бокал джин-тоника, и я улыбнулась, не разжимая губ. Я не понимала, ждет ли он, что я теперь уйду, раз у меня уже есть выпивка, или это будет невежливо.

Как съездила домой? – сказал он.

Хорошо, сказала я. Родители в порядке. Спасибо, что спросил.

А откуда ты, Фрэнсис? – сказал один из мужчин.

Я из Дублина, но родители в Баллине.

Так ты из понаехавших, сказал мужчина. Я и не знал, что у Ника есть такие друзья.

Я выросла в Сандимаунте, сказала я.

А в кубке Ирландии ты на чьей стороне? – спросил кто-то.

Я вдохнула ртом висевший в кладовке дым, прогорклый и сладкий. Я женщина, у меня нет стороны, сказала я¹¹. Приятно было щелкнуть по носу друзей Ника, хоть они и казались безобидными. Ник усмехнулся, словно вспомнив что-то.

На кухне что-то крикнули про торт, и все потянулись из кладовки, остались только мы вдвоем. Внутрь сунулась собака, но Ник вытолкнул ее ногой и закрыл дверь. Мне показалось, он покраснел, но, может, это просто из-за жары. Снаружи, на кухне звучала песня «Ретроград» Джеймса Блейка¹². Ник писал мне, что любит этот альбом, – может, он и подбирал музыку для вечеринки.

Извини, сказал он. Я так накурился, что все перед глазами расплывается.

Прямо завидно.

Я прислонилась к холодильнику и обмахнула лицо ладонью. Ник потянулся ко мне и прижал горлышко пивной бутылки к моей щеке. Стекло было фантастически холодным и влажным, у меня даже дыхание внезапно сбилось.

¹¹ Аллюзия на слова Вирджинии Вульф из ее эссе «Три гинеи» (*Three Guineas*, 1938): «Я женщина, у меня нет страны».

¹² Блейк Джеймс (р. 1988) – английский продюсер электронной музыки и певец. В припеве песни «*Retrograde*» с его второго студийного альбома «*Overgrown*» (2013) повторяются слова «*We're alone now*» – «Мы сейчас одни».

Приятно? – сказал он.

Да, чертовски. Можно тут тоже?

Я сдвинула с плеча бретельку платья, и он прислонил бутылку к моей ключице. Холодная капля с запотевшего стекла соскользнула по моей коже, и я вздрогнула.

Как же хорошо, сказала я.

Он промолчал. Уши его покраснели, это я заметила.

И к ноге, пожалуйста, сказала я.

Он переложил бутылку в другую руку и прижал ее к моему бедру. Прохладными кончиками пальцев коснулся моей кожи.

Вот так? – сказал он.

Только иди поближе.

Мы флиртуем?

Я поцеловала его. И он это позволил. Рот его был горяч, он положил свободную руку мне на талию, словно желал обнять меня. Я так его хотела, что чувствовала себя полной идиоткой, неспособной что-то сказать или пошевелиться.

Он отстранился и вытер рот – но нежно, будто проверяя, что он еще на месте.

Наверное, здесь так не стоит, сказал Ник.

Я пожала плечами. Сказала: я лучше пойду. Вышла из кладовки, пощипывая нижнюю губу пальцами и стараясь выглядеть бесстрастно.

На веранде Бобби сидела на подоконнике и болтала с Мелиссой. Помахала мне, и я решила, что надо к ним, хотя и не

хотелось. Они ели полупрозрачные кусочки торта с тонкими слоями крема и джема, похожими на зубную пасту. Бобби держала свой прямо руками, Мелисса ела вилкой. Я улыбнулась и снова непроизвольно коснулась губ. Уже касаясь, поняла, что зря, но не смогла удержаться.

А я рассказываю Мелиссе, как мы ее боготворим, сказала Бобби.

Мелисса окинула меня оценивающим взглядом и вытащила пачку сигарет.

Вряд ли Фрэнсис кого-то боготворит, сказала она.

Я растерянно пожала плечами. Допила джин-тоник и налила себе белого вина. Мне хотелось, чтобы Ник вернулся и можно было бы смотреть на него через стол. Вместо этого я смотрела на Мелиссу и думала: я тебя ненавижу. Мысль появилась из ниоткуда, словно шутка или возглас. Я даже не была уверена, вправду ли ее ненавижу, но слова звучали и ощущались очень естественно, как всплывшие в памяти строки песни.

Время шло, а Ник так и не появился. Мы с Бобби хотели остаться ночевать в гостевой комнате, но народ не расходился до самого утра – часов до четырех или пяти. К этому времени я потеряла из виду и Бобби. Думала поискать, поднялась в гостевую, но там было пусто. Я прилегла на кровать прямо в одежде, прислушиваясь – какие эмоции нахлынут, стану ли я печалиться или сожалеть? Чувства были, но я не знала, какими словами их описать. В конце концов я уснула,

а когда проснулась, Бобби так и не пришла. Утро выдалось пасмурным, я вышла из дома, ни с кем не столкнувшись, и отправилась к автобусной остановке.

После полудня я лежала на кровати в майке и трусах и курила, открыв окно. Мучило похмелье, от Бобби никаких вестей. Сквозь окно я видела, как ветер треплет листву и двое детей мелькают за деревом – у одного световой меч. Картина успокаивала – по крайней мере, не давала слишком уж распереживаться. Я слегка замерзла, но не хотелось вставать и одеваться, чтобы не разрушить очарование момента.

В конце концов, часа в три-четыре дня я выползла из кровати. Писать я была не в состоянии. Точнее, понимала, что сейчас могу написать лишь что-то уродливое и претенциозное. Я не та, кем притворялась. Я вспомнила, как умничала перед друзьями Ника в кладовке, и самой стало тошно. Я не вписываюсь в пафосные интерьеры. Меня в такие дома приглашали только из-за Бобби, которая была вхожа всюду, и что-то в ней было такое, из-за чего я на ее фоне становилась невидимой.

Вечером пришел имейл от Ника.

привет, фрэнсис, прости за вчерашний вечер.

я вел себя как мудака и ужасно сожалею. я не хочу быть таким и не хочу, чтобы ты думала, будто

я такой. я правда ощущаю себя настоящим козлом. я не должен был ставить тебя в такое положение. надеюсь, у тебя сегодня все нормально.

Я заставила себя потерпеть с ответом хотя бы час. Посмотрела мультики в интернете и сварила кофе. Несколько раз перечитала письмо. Выдохнула с облегчением, убедившись, что все письмо написано строчными, как он обычно и писал. Если бы в этот непростой момент в тексте вдруг появились заглавные, было бы слишком драматично. В конце концов я написала ответ, мол, сама виновата, это я поцеловала тебя и прошу прощения.

Ответ прилетел моментально.

нет, ты не виновата. я типа на 11 лет старше, и к тому же это был день рождения моей жены. я повел себя ужасно и совсем не хочу, чтобы ты себя осуждала.

Темнело. Голова кружилась, не отпускала тревога. Я хотела было прогуляться, но пошел дождь, и я перепила кофе. Сердце бешено колотилось. Я нажала «ответить».

И часто ты на вечеринках с девушками целуешься?

Он ответил минут через двадцать.

с тех пор как женился, никогда. но тем хуже, по-моему.

Зазвонил телефон, и я сняла трубку, все еще глядя на это письмо.

Может, потусуемся сегодня, посмотрим «Бразилию»¹³? –

¹³ *Brazil*, 1985 – дважды номинированный на «Оскар» фильм американского режиссера Терри Гиллиама, участника британской комедийной труппы «Монти Пайтон» (*Monty Python*, с 1969), о бунте мелкого клерка против системы. Одну

сказала Бобби.

Что?

Давай посмотрим «Бразилию»? Алло? Антиутопию того парня из «Монти Пайтон». Ты говорила, что хочешь посмотреть.

Что? – сказала я. А, да, давай. Сегодня?

Ты спишь, что ли? Голос у тебя странный.

Я не сплю. Прости. Интернет читаю. Конечно, давай зависнем.

Она приехала через полчаса. Спросила, можно ли остаться на ночь. Я сказала, что да. Мы сидели на кровати, курили и болтали о вчерашней вечеринке. Сердце у меня тяжело колотилось из-за того, что я врала, но врала я талантливо и даже азартно.

У тебя волосы очень отросли, сказала Бобби.

Думаешь, надо постричься?

Мы решили, что надо. Я сидела в кресле перед зеркалом, весь пол вокруг мы застелили старыми газетами. Бобби стригла меня теми же ножницами, которыми я орудовала на кухне, только помыла их перед этим в кипятке и «Фейри».

Ты все еще думаешь, что нравишься Мелиссе? – сказала я.

Бобби снисходительно улыбнулась, словно никогда ничего подобного не говорила.

Я всем нравлюсь, сказала она.

В смысле между вами что-то особенное? Не как с други-

ми? Ну ты понимаешь.

Не знаю, с ней не разберешь.

Я тоже заметила, сказала я. Порой мне кажется, она меня ненавидит.

Ничего подобного, как человек ты ей очень нравишься. Ты ей напоминаешь ее саму в молодости.

Я почувствовала, что совсем завралась, даже уши загорелись. Я казалась себе врушкой, видимо, из-за того, что обманула доверие Мелиссы, а еще из-за нашей якобы схожести. Я знала, что сама поцеловала Ника, а не наоборот, но верила, что он тоже этого хотел. Если Мелиссе казалось, что мы с нею похожи, может, я и Нику ее напостила?

Давай челку тебе выстрижем, сказала Бобби.

Не стоит, нас и так слишком часто путают.

Как-то это обидно, что тебе это обидно.

Когда она закончила со стрижкой, мы заварили кофе и устроились на диване, обсуждая университетское сообщество феминисток. Бобби покинула его в прошлом году, когда они пригласили выступить какую-то британку, поддержавшую вторжение в Ирак. В группе на Фейсбуке президент сообщества назвала выпады Бобби «агрессивными» и «сектантскими»; полная чушь, подумали мы; к счастью, британка приглашение не приняла, так что нам с Филипом не пришлось отказываться от членства. Отношение Бобби к нашему решению то и дело менялось и стало показателем того, насколько мы ладим. Когда все шло хорошо, она считала,

что я проявила толерантность и даже приношу жертвы ради гендерного равноправия. Если случалась размолвка, она называла мое поведение предательством и доказательством идеологической бесхребетности.

Что они сейчас думают про сексизм? – спросила она. Или есть две точки зрения на проблему?

Они определенно хотели бы видеть больше женщин на руководящих постах.

Мне всегда казалось, что женщин маловато среди торговцев оружием.

Наконец, мы включили фильм, и Бобби уснула у экрана. Может, она любит ночевать у меня, потому что рядом с родителями тревожится? Она не упоминала ничего такого, хотя обычно все про себя рассказывала, но отношения в семье – другое дело. Смотреть фильм в одиночестве мне не понравилось, я его выключила и начала читать интернет. Потом Бобби проснулась и устроилась как следует – на матрасе, на полу в моей комнате. Мне нравилось, что она спит рядом, пока я бодрствую, это успокаивало.

Вечером, когда она уже легла, я открыла ноутбук и ответила Нику на его последний имейл.

* * *

Я все размышляла, рассказывать ли Бобби, что я поцеловала Ника. Ничего не решив, на всякий случай в деталях во-

образила, как преподнести, какие подробности опустить, а какие подчеркнуть.

Так уж вышло, сказала бы я.

Безумие какое-то, ответила бы она. Но я всегда подозревала, что ты ему нравишься.

Не знаю. Он ведь был под кайфом, как глупо.

Но в письме он же признал, что сам виноват?

Я нарочно выдумывала ответы Бобби, чтобы убедить себя саму, будто нравлюсь Нику, и знала, что в реальности она отвечала бы совершенно иначе, так что я бросила это дело. Хотелось с кем-нибудь поделиться, чтобы меня поняли, но я не хотела рисковать – вдруг Бобби расскажет Мелиссе (а она ведь может), и не потому, что предательница, а чтобы поглубже внедриться в Мелиссину жизнь.

Я решила ничего ей не говорить – то есть рассказать было некому, никто бы не понял. Я обронила в разговоре с Филипом, что поцеловала того, кого целовать не следовало, но он не понял, о чем я.

Бобби? – сказал он.

Нет, не Бобби.

Хуже или лучше, чем если бы ты поцеловала Бобби?

Хуже, сказала я. Намного хуже. Забудь.

Обалдеть, а я думал, хуже быть не может.

Зря я завела с ним этот разговор.

Однажды я на вечеринке поцеловал бывшую, сказал он. Недели страданий. Ни на чем не мог сосредоточиться.

Надо же.

У нее уже другой парень был, что сильно все усложнило. Кто бы сомневался, сказала я.

* * *

На следующий день в магазине «Ходжис Фиггис»¹⁴ устраивали книжную презентацию, Бобби захотела пойти и раздобыть экземпляр с автографом. Был теплый июльский день, перед выходом из дома я целый час сидела, распутывая свалявшиеся волосы пальцами и расчесывая, волосы обрывались, ломались и падали на пол. Я думала: может, их там вообще не будет, придется тащиться обратно домой, подметать волосы с пола, в настроении хуже некуда. Может, в моей жизни больше вообще не случится ничего важного, останется только мести полы до самой смерти.

С Бобби мы столкнулись в дверях магазина, и она мне помахала. На левой руке приветственно зазвенели бесчисленные браслеты. Частенько я ловила себя на мысли, что, если бы я выглядела как Бобби, со мной никогда не случилось бы ничего плохого. Это было бы не как пробуждение с новым, незнакомым лицом – наоборот, я проснулась бы с лицом, которое хорошо знала, которое уже считала своим, я бы даже не удивилась.

¹⁴ *Hodges Figgis* – книжный магазин на Доусон-стрит в Дублине, основанный в 1768 г.; упоминается в романе Джеймса Джойса «Улисс».

Войдя внутрь, сквозь перила второго этажа я увидела Ника и Мелиссу. Они стояли у книжных полок. Икры у Мелиссы были голыми и слишком бледными. Я остановилась и дотронулась до своей ключицы.

Бобби, сказала я. У меня лицо блестит?

Бобби оглянулась и прищурилась, рассматривая меня.

Немного, сказала она.

Я бесшумно выдохнула. Но деваться было некуда – я уже поднималась по лестнице. Лучше бы не спрашивала.

По-хорошему светится, сказала она. Очень мило, чего ты?

Я покачала головой, и мы пошли наверх. Чтения еще не начались, и все бродили по залу с бокалами в руках. Внутри стояла жара, хотя все окна были распахнуты, прохладный ветерок с улицы коснулся моей руки, по коже побежали мурашки. Я вспотела. Бобби что-то шептала мне на ухо, я кивала и притворялась, что слушаю.

В конце концов мы с Ником одновременно оглянулись и встретились глазами. Внутри меня словно ключ повернулся, с такой силой, что я ничего не могла с собой поделать. Он как будто хотел что-то сказать, но только вздохнул и сглотнул. Мы не кивнули и не помахали друг другу, просто приклеились взглядами, словно уже вели тайный безмолвный разговор, неслышный другим.

Через несколько секунд я заметила, что Бобби замолчала; я обернулась – она тоже смотрела на Ника, слегка выпятив нижнюю губу, точно говоря: а, теперь я вижу, на кого ты пя-

лишья. Мне захотелось, чтоб у меня в руках оказался бокал вина – спрятать лицо.

Ну, хотя бы одеваться он умеет, сказала она.

Я не стала разыгрывать непонимание. На нем были белая футболка и замшевые ботинки-дезерты, такие тогда все носили. Даже у меня такие были. Он выглядел красиво, просто потому что был красив, но Бобби внешность всегда впечатляла меньше, чем меня.

А может, это Мелисса его одевает, сказала Бобби.

И улыбнулась так, будто скрывала какую-то тайну, хотя в ее поведении не было ничего загадочного. Я провела рукой по волосам и отвела взгляд. Белый квадрат солнечного света лежал на ковре, точно снег.

Они даже не спят вместе, сказала я.

Наши глаза встретились, и Бобби едва заметно вздернула подбородок.

Я знаю, сказала она.

Во время чтений мы не перешептывались, хотя обычно болтали. Представляли сборник рассказов одной писательницы. Я посматривала на Бобби, но та не сводила взгляд со сцены, – за что-то меня наказывает, догадалась я.

С Ником и Мелиссой мы встретились уже после чтений. Бобби направилась к ним, и я пошла за нею, охлаждая лицо тыльной стороной ладони. Они расположились у стола с напитками, и Мелисса потянулась за бокалами. Красное или белое? – спросила она.

Белое, сказала я. Всегда белое.

Бобби сказала: когда она пьет красное, у нее рот, – и она рукой очертила свой. Мелисса протянула мне бокал и сказала: а, я понимаю. По-моему, ничего страшного. В этом есть что-то дьявольски притягательное. Бобби с нею согласилась. Словно крови напилась, сказала она. Мелисса рассмеялась и сказала: да, жертвенных девственниц.

Я смотрела в бокал – вино было прозрачным, почти зелено-желтым, цвета соломы. Когда я снова взглянула на Ника, он смотрел на меня. Солнечный свет из окна припекал мне шею. Я надеялся, что ты придешь, сказал он. Рад тебя видеть. И он сунул руку в карман, словно боялся сделать ею что-то не то. Мелисса и Бобби все болтали. Никто не обращал на нас внимания. Да, сказала я. Я тоже тебе рада.

Всю следующую неделю Мелисса работала в Лондоне. Это была самая жаркая неделя лета, и мы с Бобби сидели в опустевшем университетском кампусе, поедая мороженое и стараясь загореть. Однажды после обеда я написала Нику, мол, может, я загляну, поговорим. Запросто, ответил он. Бобби я ничего не сказала. Бросила в сумочку зубную щетку.

Когда я появилась у него на пороге, все окна в доме были открыты. Но я все равно позвонила в дверь и он, даже не посмотрев, кто пришел, крикнул из кухни, чтоб я входила. Я закрыла за собой дверь. Когда вошла, он вытирал руки кухонным полотенцем, словно только что мыл посуду. Он улыбнулся и сказал, что разнервничался перед встречей. Собака лежала на диване. Прежде я никогда не видела ее на диване и подумала, что, наверное, Мелисса не позволяет ей тут спать. Я спросила Ника, почему он нервничал, он рассмеялся и пожал плечами – скорее расслабленно, чем взволнованно. Я облокотилась на стол, пока он вешал полотенце.

Итак, ты женат, сказала я.

Да, похоже на то. Выпьешь что-нибудь?

Я взяла маленькую бутылку пива – просто чем-то занять руки. Меня охватило беспокойство, какое случается, когда сделаешь плохое и ждешь, что за этим последует. Я не хочу быть разлучницей и все такое, сказала я. Он рассмеялся.

Забавно, сказал он. И что это значит?

Ты же никогда не изменял жене. И я не хочу разрушать твой брак.

Ну, этот брак уже пережил несколько измен, но хоть бы одна из них была моей.

Он произнес это шутливо, и я в ответ расхохоталась, но вдобавок расслабилась насчет моральной стороны происходящего – видимо, для того он и шутил. Мне не хотелось жалеть Мелиссу, и теперь она осталась за рамками моего сочувствия, словно персонаж другой истории.

Мы поднялись на второй этаж, и я призналась Нику, что еще никогда не спала с мужчиной. Он спросил: это важно? – и я ответила, что, наверное, не очень, но будет странно, если он обнаружит уже в процессе. Пока мы раздевались, я старалась держаться непринужденно и не дрожать. Я стеснялась раздеваться перед ним и не знала, как прикрыться, чтобы не вышло неуклюже и отталкивающе. У него был выдающийся торс – как у статуи. Мне не хватало дистанции, что разделяла нас, когда он наблюдал за мною под рукоплескания зала, – теперь казалось, что она защищает, что без нее никак. Но когда он спросил, точно ли я всего этого хочу, я услышала свои слова: знаешь, я не просто поговорить сюда пришла.

В постели он постоянно спрашивал: так приятно? Я отвечала, что все хорошо. Все тело горело, я казалась себе ужасно громкой, слышала собственные стоны без слов. Закрыла глаза. Внутри словно кипело масло. Во мне проснулась ка-

кая-то ошеломительно мощная энергия, в которой чудилась опасность. Пожалуйста, повторяла я. Пожалуйста, пожалуйста. Потом Ник потянулся к тумбочке за презервативом, а я подумала: больше я никогда ничего не смогу сказать. Но покорилась. Извини, пробормотал Ник, будто эти несколько секунд, что я лежала в ожидании, – его промашка.

Когда все закончилось, я, вздрагивая, осталась лежать на спине. Я была такой громкой, такой наигранно-неестественной всю дорогу, что теперь невозможно было держаться невозмутимо, как в письмах.

Вроде ничего так, сказала я.

Да ну?

По-моему, мне понравилось больше, чем тебе.

Ник засмеялся и закинул руку за голову.

Нет, сказал он, мне больше.

Ты был очень внимателен.

Правда?

Серьезно, я в восхищении, какой ты нежный, сказала я.

Подожди-ка. Точно все в порядке?

Из глаз моих покатались слезинки и закапали на подушку. Печали не было и следа – сама не знаю, почему я плакала. Прежде такое уже случалось – с Бобби, и она считала, что это проявление моих подавленных чувств. Я не могла остановить слезы, поэтому застенчиво рассмеялась, чтобы он понял – мне не грустно. Я дико смутилась, но ничего не могла с собой поделать.

Со мной бывает, сказала я. Ты не сделал ничего такого.

Ник коснулся меня рукой чуть ниже груди. Я присмирела, словно животное, которое приласкали, и расплакалась еще сильнее.

Ты уверена? – сказал он.

Да. У Бобби спроси. То есть не надо.

Он улыбнулся: да уж, не буду. Он поглаживал меня кончиками пальцев, словно ласкал свою собаку. Я резко вытерла лицо.

Знаешь, ты очень красивый, сказала я.

Он опять рассмеялся.

Это все мои достоинства? – сказал он. Я-то думал, тебя заинтересовала моя необыкновенная личность.

А у тебя она есть?

Он перевернулся на спину и ошеломленно уставился в потолок. Не могу поверить, что мы это сделали, сказал он. Слезы у меня закончились. Все, о чем бы я ни подумала, вызывало ликование. Я погладила испод его запястья и сказала: еще как можешь.

Наутро я проснулась поздно. Ник приготовил к завтраку французские тосты, и я на автобусе отправилась домой. Забралась на самое заднее сиденье, у окна, солнце лупило меня по лицу, и прикосновение обивки к голой коже казалось необыкновенно чувственным.

Вечером Бобби сказала, что ей надо где-то перекантоваться – устраниться от «семейных проблем». В выходные Эленор выкинула из дома какие-то вещи Джерри, последовал скандал, и Лидия заперлась в ванной, крича, что хочет умереть.

Совсем не круто, сказала Бобби.

Я сказала, что она может пожить у меня. Не могла придумать, что еще сказать. Она знала, что у меня пустая квартира. Тем вечером она играла на моем электропианино, держа перед глазами ноты на моем ноутбуке, а я с телефона проверяла электронную почту. Никто не писал. Я взялась за книгу, но читать не хотелось. Тем утром, как и предыдущим, я ничего не сочинила. Читала длинные интервью со знаменитыми писателями, подмечая, как мало у меня с ними общего.

У тебя тут сообщение в мессенджере, сказала Бобби.

Не читай. Дай мне посмотреть.

Почему это я не должна читать?

Я не хочу, чтобы ты читала, сказала я. Дай ноутбук.

Она протянула мне компьютер, но не спешила возвращаться к пианино. Сообщение было от Ника.

Ник: я знаю, я ужасен

Ник: может заглянешь ко мне снова как-нибудь на

неделе?

От кого это? – сказала Бобби.

Расслабься, а?

Почему ты сказала «не читай»?

Потому что не хотела, чтобы ты читала, сказала я.

Она кокетливо погрызла ноготь и устроилась на кровати рядом со мной. Я захлопнула ноутбук, и ее это насмешило.

Да не читала я, сказала она. Но я видела от кого.

Ну и молодец.

Он тебе нравится, да?

Не понимаю, о чем ты говоришь, сказала я.

Муж Мелиссы. Ты всерьез на него запала.

Я закатила глаза. Бобби растянулась на кровати и усмехнулась. В этот момент я ее ненавидела, даже ударить захотелось.

Ты что, ревнуешь? – сказала я.

Она рассеянно улыбнулась, как будто думала о чем-то другом. Я не знала, что тут еще добавить. Она еще поиграла на пианино и захотела спать. Когда на следующее утро я проснулась, она уже ушла.

* * *

Почти все ночи на той неделе я провела у Ника. Работы у него в те дни не было, так что по утрам он на пару часов ходил в спортзал, а я – в литературное агентство или просто

слонялась по магазинам. Вечером он готовил ужин, а я играла со спаниелем. Я говорила Нику, что, кажется, за всю свою жизнь столько не ела, и это правда. Дома родители никогда не готовили блюд с чоризо или баклажанами. Еще я прежде никогда не пробовала свежее авокадо, но об этом я Нику не сказала.

Однажды ночью я спросила, не боится ли он, что Мелисса узнает про нас, и он ответил, что вряд ли она узнает.

Но ты же узнал, сказала я. Когда она изменяла.

Нет, она мне сама рассказала.

Что, серьезно? Ни с того ни с сего?

В первый раз – да, сказал он. Сюр полный. Она уехала на какой-то книжный фестиваль и позвонила часов в пять утра, мол, ей нужно кое в чем признаться. Вот и вся история.

Ни хрена себе.

Но это была просто случайная связь, они больше не встречались. В следующий раз все оказалось серьезнее. Наверное, зря я выбалтываю тебе такие секреты, да? Я не хочу выставить ее в дурном свете. Ну или думаю, что не хочу, не знаю.

За ужином мы рассказывали друг другу про свою жизнь. Я объяснила, что хочу уничтожить капитализм и считаю мужской пол угнетателем. Ник признался, что «в душе» он марксист, но я не должна осуждать его за то, что он владеет домом. Или так, или вечно платить аренду, сказал он, но я все осознаю. У меня сложилось впечатление, что он из очень богатой семьи, но на эту тему я расспрашивала осторожно –

меня смущало, что сама я никогда в жизни ни за что не платила. Его родители были все еще женаты, и у него были брат и сестра.

Во время этих разговоров Ник смеялся над всеми моими шутками. Я призналась, что не могу устоять перед людьми, которые ценят мое чувство юмора, а он сказал, что не может устоять перед людьми умнее его.

Наверное, они просто редко тебе встречаются, сказала я.

Приятно льстить друг другу, скажи?

Секс был так хорош, что я то и дело плакала. Нику нравилось, когда я забиралась на него, а он при этом полусидел, прислонившись спиной к изголовью кровати, и мы шептались. Ему нравилось, когда я говорила, до чего мне хорошо. Его легко было довести до оргазма, просто повторяя это. Порой я так и делала, чтобы ощутить свою власть над ним, и тогда после он извинялся: прости, мне так неловко. Слышать это мне нравилось даже больше, чем собственно секс.

Я была без ума от его дома: все безупречно, что ни возьми, и половицы по утрам приятно холодили ноги. У них имелась электрическая кофемолка, Ник покупал кофе в зернах и молот понемногу перед завтраком. Я не знала, насколько это претенциозно, но кофе был невероятно вкусен. На всякий случай я все-таки сказала ему, что это претенциозно, а он ответил: а ты что пьешь? Сраный «Нескафе», что ли? Ты студентка, не надо тут строить из себя законодателя хорошего вкуса. Конечно, в душе мне очень нравилась их до-

рогая кухонная техника, и не меньше нравилось наблюдать, как Ник медленно опускает пресс кофейника и сверху появляется темная пенка.

На неделе он почти каждый день разговаривал с Мелис-сой. Обычно она звонила по вечерам, и он снимал трубку в другой комнате, пока я валялась на диване перед телевизором или курила во дворе. Говорили они минут по двадцать, а то и дольше. Однажды я целиком посмотрела серию «Задержки в развитии»¹⁵, дожидаясь его, – ту, где сожгли ларек с бананами. Я никогда не слышала, о чем он говорит по телефону. Однажды я спросила: она там ничего не подозревает? Он просто покачал головой и сказал, мол, нет, все в порядке. За пределами своей комнаты Ник до меня даже не дотрагивался. Мы вместе смотрели телевизор, словно просто ждем Мелиссу с работы. Он позволял себя поцеловать, если мне хотелось, но инициатива всегда исходила от меня.

Сложно было понять, что Ник на самом деле чувствует. В постели он никогда ни к чему меня не принуждал и всегда угадывал мои желания. И все-таки в нем была какая-то неясность, недосказанность. Он не обронил ни одного комплимента. Не тянулся спонтанно поцеловать или дотронуться до меня. Я все еще нервничала, раздеваясь, а когда я в первый раз взяла у него в рот, он так притих, что мне при-

¹⁵ *Arrested Development*, 2003–2006, 2013, 2018 – интеллектуальный ситком, рассказывает о богатой семье на грани разорения. Три сезона шоу вышли на телеканале *Fox*, еще два – на *Netflix*. Серия «Ларек с бананами» (*Top Banana*) – вторая в первом сезоне.

шлось прерваться и спросить, не больно ли ему? Он ответил, что нет, но когда я продолжила, по-прежнему не издал ни звука, не прикоснулся ко мне, я даже не знала, смотрит ли он на меня. Когда все закончилось, мне было так паршиво, словно я принудила его к чему-то противному нам обоим.

В четверг, выйдя из агентства, я случайно столкнулась с ним в городе. Мы шли с Филипом за кофе и заметили Ника в компании высокой женщины. Одной рукой она толкала перед собой коляску, а другой держала мобильник. У Ника на руках был младенец. На младенце была красная шапочка. Ник на ходу помахал, мы с ним даже переглянулись, но они не остановились поговорить. В то утро он, заложив руки за голову, лежа наблюдал, как я одеваюсь.

Это ведь не его ребенок? – сказал Филип.

Я как будто играла в видеоигру, не зная ни одной команды управления. Я пожала плечами и сказала, мол, насколько я знаю, детей у него нет. Вскоре от Ника пришло сообщение: моя сестра Лора и ее дочка. Извини, что прошли мимо, они как бы спешили. Я ответила: очень милая малышка. Можно к тебе вечером?

За ужином он спросил, правда ли малышка показалась мне милой. Я ответила, что не слишком хорошо рассмотрела, но издали она выглядела симпатягой. Она просто лучшая, сказал Ник. Рейчел. В жизни не так много вещей, которые я обожаю, но этого ребенка по-настоящему люблю. Когда увидел ее в первый раз, даже расплакался – такой она была кро-

шечной. Ник расчувствовался, как никогда прежде на моей памяти, я даже позавидовала. Хотела пошутить, мол, сейчас ревновать начну, но ревновать к ребенку – как-то гадко, вряд ли Нику понравилось бы. Очень трогательно, сказала я. Похоже, в моем голосе было маловато восторга, и он с заминкой сказал: наверное, в твоём возрасте дети ещё не интересуют. Я обиделась и молча ковырнула вилкой ризотто на тарелке. Нет, я правда думаю, что это трогательно, сказала я. Совсем на тебя на похоже.

А обычно я грубый и агрессивный? – сказал он.

Я пожалала плечами. Мы продолжили есть. Я знала, что расстроила его, – видела, как он наблюдает за мною через стол. Но в нём не было ни капли грубости или агрессии, и я решила замять эту тему, чувствуя, что он нечаянно выдал какой-то свой тайный страх.

Когда мы той ночью разделись, простыни были ледяные, и я заметила, мол, какой же холод. В доме? – сказал он. Ты мерзнешь по ночам?

Нет, вот сейчас, сказала я.

Я потянулась к нему, чтобы поцеловать, и он мне позволил, но как-то рассеянно, без чувства. Затем отстранился и сказал: а то, если ты мерзнешь по ночам, я могу включить отопление.

Да нет, сказала я. Просто простыни холодные, вот и все. Ну ладно.

Мы занялись сексом, это было приятно, а после мы лежа-

ли, уставившись в потолок. Легкие переполнились воздухом, охватило умиротворение. Ник коснулся моей руки и сказал: ну что, согрелась? Согрелась, сказала я. Ты очень трогательно заботишься о моей температуре. Ну разумеется, сказал он. Хреново будет, если ты тут у меня замерзнешь до смерти. Говоря это, он гладил мою руку. У полиции могут возникнуть вопросы, сказала я. Он рассмеялся. О да, сказал он. Типа что этот красивый труп делает в твоей постели, Ник? Это была просто шутка, всерьез он никогда не называл меня красивой. Но шутка мне все равно понравилась.

В пятницу вечером, накануне возвращения Мелиссы из Лондона, мы смотрели «На север через северо-запад»¹⁶, открыв бутылку вина на двоих. На следующей неделе Ник улетал в Эдинбург на съемки, и какое-то время мне предстояло жить без него. Я почти не помню, о чем мы разговаривали той ночью. Помню только сцену в поезде, когда герой Кэри Гранта флиртует с блондинкой, – я почему-то повторила одну ее реплику с резким американским акцентом. Я сказала: и мне не очень нравится книга, которую я начала. Ник хохотал без всякой причины – или, может, мой акцент был настолько ужасен.

Теперь ты изобрази Кэри Гранта, сказала я.

Ник произнес американским киноголосом: когда я встречаю привлекательную женщину, приходится притворяться,

¹⁶ «На север через северо-запад» / *North by Northwest*, 1959/ – детективный триллер Альфреда Хичкока.

что у меня нет ни малейшего желания с ней переспать.

И долго ты обычно притворяешься? – сказала я.

Это ты мне скажи, произнес Ник своим обычным голосом.

По-моему, я догадалась довольно быстро. Но я боялась, что обольщаюсь.

Ха, со мной то же самое.

Он подхватил бутылку и освежил вино в бокалах.

Так это просто секс или я тебе по-настоящему нравлюсь? – сказала я.

Фрэнсис, да ты напилась.

Ты можешь сказать, я не обижусь.

Знаю, что не обидишься, сказал он. По-моему, ты хочешь услышать, что это просто секс.

Я рассмеялась. Я была счастлива, что он так сказал, потому что мне хотелось, чтобы именно так он и думал, и полагала, что он это знает и просто шутит.

Не расстраивайся, сказала я. Но ты в этом деле и правда хороша. Я, может быть, уже говорила.

Разве что пару раз. Но хотелось бы получить заявление в письменной форме. Что-то надежное – буду рассматривать на смертном одре.

И тут он просунул руку меж моих колен. На мне было платье в полоску, ноги голые; когда он коснулся меня, я стала горячей и податливой, будто во сне. Силы совершенно покинули меня и, попытавшись заговорить, я запнулась.

Что будет, когда твоя жена вернется домой? – сказала я.

М-да. Что-нибудь придумаем.

Я не беседовала с Бобби с того вечера, когда она осталась у меня ночевать. Я зависала у Ника и больше ни о ком не вспоминала, я и не думала позвонить ей или встревожиться, почему это она сама не звонит. Уже когда Мелисса вернулась в Дублин, я получила от Бобби письмо с темой «ревность???».

слушай, мне дела нет, если ты запала на ника, я не хочу тебя смутить и все такое. извини, если так выглядело. (я также не собираюсь читать мораль на тему того, что он женат, я уверена, что мелисса и сама ему изменяет.) НО реально паршиво было обвинять меня в том, что я к нему ревную. это такой гомофобский стереотип – подозревать лесбиянку в том, что она втайне ревнует к мужчине, и я знаю, что ты это знаешь. более того, это унижает нашу дружбу – выставять все так, будто я состязаюсь с мужчиной за твое внимание. по-твоему, я такая? ты действительно ставишь наши отношения ниже, чем свое мимолетное сексуальное влечение к женатому парню средних лет? это охренеть как обидно.

Когда пришло письмо, я сидела на работе, но никого из коллег поблизости не было. Я несколько раз перечитала текст. Зачем-то удалила, моментально полезла в «корзину» и тут же восстановила. Потом пометила его как «непрочи-

танное» и опять открыла, чтобы снова прочесть, как будто вижу его в первый раз. Разумеется, Бобби была права. Я сказала про ревность, чтобы задеть. Я просто не догадывалась, что это сработает, не думала, что вообще могу ее ранить, даже если сильно постараюсь. Для меня стало неприятным открытием, что я не только могу обидеть Бобби, но еще и сделать это мимоходом, сама не заметив. Я побродила по офису, налила в пластиковый стаканчик воды из кулера, хотя пить совсем не хотелось. Наконец, села на место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.